

СЕРГЕЙ ВОЛКОВ

ИЛЬИЧ

Главная русская книга о 90-х

А. ПЕЛЕВИН

Точный срез эпохи, увиденной глазами «маленького человека»

Е. ДВОРЕЦКАЯ

Такая глубина, что того и гляди раздавит

О. ДИВОВ

длинный список премии «НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР» 2021

Сергей Юрьевич Волков

Ильич

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66194562
ISBN 978-5-6043329-6-2*

Аннотация

Серый возвращается из армии в другую страну – начинаются «лихие 90-е». Цены и курс доллара растут каждый день, люди месяцами не получают зарплату, а десятиклассницы мечтают стать валютными проститутками. Девушка Серого, первая красавица города Надя Клюква, становится подругой сына некоронованного короля Средневожска Флинта.

Серый и его друзья, мечтая о больших деньгах, перебиваются случайными заработками – копают могилы на Ёриках, местном «кладбище домашних любимцев», где «новые русские» хоронят своих питомцев. Но однажды нищете приходит конец: Серый становится невероятно богат...

Содержание

Предисловие	4
Пролог	9
Глава первая	12
Глава вторая	48
Глава третья	84
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Сергей Волков

Ильич

роман-кенотаф

Люди как люди...
М.А. Булгаков

Предисловие

Писать предисловия к художественным текстам – занятие неблагоприятное и крайне сложное, этого практически никто не умеет делать.

Включая меня.

Есть несколько разновидностей предисловий. В одних пытаются объяснить читателю, что же его ожидает дальше; обилие спойлеров обычно убивает желание читать саму книгу. В других – ушедший с эпохой жанр – литературоведы с дипломами университета марксизма-ленинизма объясняли читателям, как надо правильно понимать произведение (помню, попалась мне повесть какого-то прогрессивного негра, где предисловие было размером с эту самую повесть, в основном за счет цитат из материалов очередного съезда КПСС). В третьих пишут о чем угодно, но только не о книге.

Я долго думал, как же мне поступить. Если честно, хотел начать чем-то типа «Онегина» можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением». Потом подумал, что Сергей Волков точно при встрече стукнет меня за это по голове своим романом (слава богу, это не «Война и мир» по объему, но тем не менее). Поразмыслив, я решил не играть в Белинского, и поэтому начну так:

«Энтони Троллоп был величайшим бытописателем викторианской Англии, однако кто сейчас помнит его «Барсетширские хроники»?» Писать о девяностых – занятие неблагодарное и крайне сложное, этого практически никто не умеет делать.

Включая меня.

К тому же данный исторический период напрочь убит отечественным кинематографом с его непроходимой чернухой. Нет, прославлять там решительно нечего, и не дай господь, чтобы этот ад повторился. Но не стоит забывать, что и тогда люди жили, работали, творили, любили. Собственно, именно об этом и написан роман «Ильич», который вы держите в руках.

Я очень люблю книги, в которых нет четко положительных и отрицательных героев. Подобные сюжеты чрезвычайно сложно вытягивать, тем более – заставлять читателя сопереживать происходящему. Сергею Волкову это удалось. Его Серый – типичный уебан (у нас же роман 18+, да?). Без-

дельник, хулиган, бандит, пьяница, питекантроп, мечущийся притом между «Жуком в муравейнике» Стругацких, запутанной философией хиппана Челло и окружающей преисподней, где хохочут и скачут бесы. Что там говорить, я сам таким был. Все были. Я уверен, что значительный процент Серого списан с самого Волкова, который, кстати, тоже Серый.

Черeda остальных персонажей настолько же противоречива и узнаваема. У кого поднимется рука осуждать дебильного Малого, злобного Индуса или вышеупомянутого Челло, который существует одновременно и назло происходящему, и плывет по течению в общем потоке? Даже те герои, которых мы должны ненавидеть – Флинт, Сынуля, Клюква, Канай – заслуживают не принятия, но понимания. Тем более почти все такие, как они, не дожили до дней, в которые я пишу эти строки.

Местами «Ильич» реально бесит.

Точнее, бесит Серый. «Ну что ты делаешь, баран?! – думал я, читая. – Она же тебя не любит! Куда ты пошел?! Зачем тебе это?! Не связывайся, беги! А сейчас вообще идиот, ты что, не понимаешь, чем все закончится?!». И это очень хорошо. Притом что я, активно живший, как уже сказано, в девяностые, скорее всего вел бы себя точно так же. На этом изломе, когда старое уже закончилось, а новое еще не началось, все вели себя, как Серый – в той или иной степени.

Нет, «Ильич» – это не энциклопедия русской жизни пери-

ода девяностых, хотя автор наполнил текст очень точными и сочными деталями и подробностями. Нож-«рыбка», например, меня чуть не пробил на слезу. Папа мне такой подарил, помню...

Это и не памфлет, и не предостережение. Это честная и тонкая литература, которой сегодня весьма не хватает. Повод подумать, погоревать, а потом идти дальше.

Не могу не отметить «сценарность» текста. На счету Сергея Волкова много известных телевизионных и кинематографических проектов, от «Великой» до «Непрощенного», и «Ильич» тоже явно просится на экран (удивлюсь, если автор не попытается этого сделать). Именно по этой причине роман может кому-то показаться местами суховатым и схематичным, местами – наоборот, слишком «бытописательным» (недаром я Троллопа помянул), но это нисколько не является недостатком. Это прием, и прием удавшийся, рисующий где нужно яркую или нарочито блеклую картинку, кадры, движение, жизнь.

Дальше, наверное, я должен бы написать о живом языке книги, о том, что люди там говорят именно как говорят люди (редкость в современной отечественной литературе), о неоднозначном финале (опять спойлер!!! или нет?), о тщетности всего сущего, наконец. Но я закругляюсь – все же вы не меня читать планировали, а роман – и скажу одно: спасибо, Серега.

Ты эту книгу прожил, когда писал, я – когда читал.

Надеюсь, нас таких будет много.

Юрий Бурносов, писатель, сценарист

Пролог

Милицейский «Уазик» стоял у поворота с Оренбургской трассы на Средневожск. Двое патрульных – толстый и тонкий – топтались на обочине, курили одну сигарету, передавая её друг другу. Смятая пачка с английской надписью «Magna» валялась в кювете рядом с яичной скорлупой и пустой бутылкой из-под молдвинпромовского «Стругураша» – «крепкого напитка, приготовленного с применением натурального виноградного сырья», как значилось на этикетке.

– У меня от него изжога всегда, – толстый затаился, протянул тонкому сигарету, выпустил дым. – Интересно, из чего гонят?

– Из виноградного сырья, там же написано, – ответил тонкий, бережно принимая «магнину».

– Да конечно, – зло ухмыльнулся толстый. – Химии намешают, эссенцию виноградную добавляют и древесный спирт – вот и всё. А ты потом мучайся...

Мимо милиционеров вразвалочку продефилировал чёрный и блестящий «Ниссан-патруль», похожий на полированный гроб из американского фильма про мафию в Чикаго. Окна были опущены, изнутри грохотала музыка, её то и дело прорезал смех, мат и истошные крики «Йоху-у!».

– Почему они все время так орут? – спросил тонкий, выпуская дым.

– Кто – «они»? – лениво поинтересовался толстый.

– Эти... – тонкий кивнул на джип и передал напарнику окурок. – Как их... «новые русские».

– Хрен знает... Не бояться никого, наверное. Как дети. Дети же тоже орут.

Из окна джипа внезапно высунулась голая по пояс девка с густо подведёнными бровями и размазанной по губам помадой. У неё были надуты щеки, в глазах плясали черти. Она выплюнула на лобовуху «Уазика» длинную струю шипящей жидкости, похожую на стеклянного удава, и пьяно захохотала. «Ниссан» сыто отрыгнул облачко сизого дыма и не спеша удалился в сторону города.

– Сука, – сказал толстый и принялся. – Шампанское пьют. Французское типа. Из комка.

– Может, догоним? – предложил тонкий.

– И чё?

– Они ж бухие все. Оштрафуем. Ну, в смысле... – тонкий знакомым каждому жестом потёр пальцы друг о друга, выразительно посмотрел на толстого.

– Дурак ты, Тереньтев, – со вздохом сказал тот, сделал ещё затяжку и выкинул окурок. – Это ж Флинта джип. За рулём сам. Или Игорёк, Сынуля. Потом заколебёшься объяснительные писать. Надреев с Флинтом на охоту вместе ездит. Врубился?

Тонкий ничего не ответил, с тоской глядя на дымящийся в траве окурок, с которого еще можно было сделать пару тяг.

Начальник ОВД Средневолжска полковник Надреев являлся их непосредственным начальником, и говорить больше было не о чем.

Глава первая

Малой разбудил Серого рано – ещё не было шести. Начал долбиться в дверь, сперва «по-нашему», кодом: три-два-три, а потом просто – ногой. Наверное, звонил бы и в звонок, но звонка у Серого не было, звонки у них скоммуниздили во всем подъезде сразу после наступления нового, 1992 года. Просто прошлись по этажам и выковыряли монтировкой.

Утро было горьким как желудочный чай. Серый проснулся, но сразу вставать не стал. В глубине того, что в книжках называется «душа», жила робкая надежда, что пронесёт. Но Малой – чувак упёртый и надежда ожидаемо померла. Серый встал, подтянул трусы и пошлёпал открывать, прилипая босыми ступнями к линолеуму, как ящерица геккон из увиденной вчера передачи «В мире животных».

За окном плескался мутный осенний рассвет. Было сыро и прохладно, точно в подвале. Малой стоял на пороге, сияя, как лужа под солнцем, и тараторил без передышки:

– Длинный, понял? Я два километра шёл – он не кончается, понял? Давай быстрее! Это алюминь же. Тысяч за сто можно, понял?

Серый усмехнулся на словах про «два километра», открыл холодильник, поприветствовал старожилу верхней полки – банку «Солянка закусочная», взял последнее яйцо, хрустнул им о край стола и расковырял ногтем дырочку в

остром конце.

Пока он пил яйцо, Малой продолжал тарыхтеть:

– Деревенские, наверное. Срезали на ЛЭПе, и оставили, чтобы не палиться. Там овраг же, понял? И кладбище с другой стороны. Потом на КАМАЗе приедут и заберут. А мы раньше успеем, понял? Давай быстрее! Э, я тоже хочу!

Последняя фраза относилась к яйцу.

– Нету больше, – Серый бросил высосанное яйцо в мусорку, прошлёпал в прихожую и начал натягивать штаны.

– Я как увидел – сразу хобана такой, – Малой размахивал руками и едва не подпрыгивал от возбуждения, – к тебе втопил. Ты же ближе всех живёшь. Если к Индусу – далеко, а вдруг эти вернутся?

– Всё, – сказал Серый, сунул ноги в растоптанные кроссовки и вытолкнул Малого из квартиры. – Веди, топила.

* * *

Провод и впрямь оказался длинным. Он начинался у края оврага, метрах в десяти от тропинки, ведущей к кладбищу, и уходил в кусты. Серый присел и развернул к себе косо обрубленный конец.

– Не, без тока, – радостно ощерился Малой. – Я уже трогал.

– Дурак, я диаметр смотрю.

– Шестижилка, трёхмиллиметровый, понял? – Малой

улыбнулся ещё шире.

– «АС 240, ГОСТ 839-80», – без улыбки поправил Серый. – Вес примерно килограмм на метр. По таким ток в города подают. И в большие села.

За последний год Серый стал большим знатоком алюминиевых проводов. Да и не только он. Половина взрослого мужского населения страны тащила «цветмет» на приёмные пункты, благо было что тащить. Наделали проклятые коммунисты за семьдесят лет Советской власти, слава Богу, этого цветмета как грязи.

– А, ну да.

– И куда он идёт? – спросил Серый, зябко поёжившись – от оврага тянуло сырьём.

– Вон до того тополя точно, – Малой махнул на зеленеющую за кустами иву.

До раскоряченной, как строительные козлы, ивы было метров сто. Серый вспомнил про «два километра» и усмехнулся. Два километра «двести сорокового» весят две тонны. Но даже сто метров – это тоже было много. И да, такая длина – это не срезка с «ЛЭПы». Скорее всего, где-то кто-то разматал катушку.

«Если кто-то кое-где у нас порой...»

Серый выпрямился, полез за сигаретами, вспомнил, что они кончились вчера вместе с деньгами, и с тоской сплонул в траву.

– Пошли.

Они проследили провод до ивы, обошли её и двинулись дальше. Трава, мох, нижние ветки кустов по сторонам от провода были смяты, ободраны, кора на деревьях содрана до нежно-зелёного луба. Серый просёк, что провод тащили. Значит, за ним есть след. И по этому следу хозяева катушки могут проследить, кто уволок их ценное цветметаллическое имущество. И по-хорошему надо было бы отломить от этого бесконечного серого червя какой-нибудь адекватный, реальный, как сейчас говорят, кусок метров в сорок – и сваливать. Но любопытство и отсутствие сигарет взяли верх, и они решили идти до конца.

Конец, впрочем, обнаружился быстро – провод пролёт через заросли ломкого малинника, похожего на вставшие дыбом гигантские макароны, и упёрся в спину мужика.

Мужик лежал лицом вниз, подобрав под себя руки. Серый сразу понял, что он волок провод, перекинув его через плечо, как бурлак. Или как Дед Мороз. Только бородатый зимний старик таким манером носил мешок с подарками, а мужик – один большой и длинный подарок себе, любимому. Нёс-нёс, тащил-тащил да и устал. И вот прилёг отдохнуть.

– Э, мужик, – негромко окликнул проводоносца Малой. – Э, слышь?

Серый обошёл тело – то, что мужик не совсем живой, ему стало понятно как-то сразу – присел, поглядел на серый, заросший ежиной подбородок, свороченный набок. На подбородке застыла жёлтая слизь. Трава чуть ближе к груди побу-

рела от крови, тоже уже запёкшейся.

Рукава старой ветровки закрывали руки, виден был только один палец, большой, с темно-синим татуированным перстком.

– Зонщик, – сказал Серый и посмотрел на Малого, топчущегося в стороне с круглыми глазами. – Кровь горлом пошла. И все – лапти в угол. Тубик. Он с диспансера.

– Точняк! – глаза Малого стали ещё круглее, в них отчётливо заплескалось «очко». – Линяем! Линяем, слышь!

– А провод? – Серый выпрямился, посмотрел в сторону кустов, из которых выползала, мертвенно-поблёскивающая в лучах утреннего солнца, алюминиевая глиста. – Мне деньги нужны.

Малой его не слышал и не слушал. Малой «присел на коня». Найденный на конце двухсотметрового алюминиевого червя жмур произвёл на него примерно тот же эффект, что и резкий звук в подвале после хорошего косяка, когда пробивает на шугняк.

Пухлое лицо Малого побелело так, что стало не видно веснушек, глаза постоянно двигались, не в состоянии зафиксироваться на каком-то предмете; он зачем-то постоянно приседал, выпрямлялся, снова приседал и ходил туда-сюда.

– Не мельтеши, – голосом героя фильма из видеосалона сказал Серый, соображая, как отделить от провода нужный кусок. – Голова начинает кружиться.

– Нас накроют тут, – Малой пробежался по полянке, уда-

ряя себя кулаком в ладонь. – И кабзда! Завалят, и вона, в овраге закопают. Серый, давай слиняем, а? Ну давай...

Серый услышал в его голосе знакомые ноющие интонации и вздохнул.

– Уходи. Но на Ёрики копать больше не приходи.

– Почему? – оторопел Малой.

– Потому что ты конила и чмо будешь, если уйдёшь. Потому что вдвоём мы унесём в два раза больше провода, чем я один. Врубился?

– Ну, – убитым голосом отозвался Малой.

– Гну. Антилопа. Ищи кирпич. Два.

– Зачем?

– За мясом. Провод будем перебивать.

Малой застыл посреди поляны, затравленно озираясь.

– Ты чё сейчас делаешь? – спросил Серый.

– Кирпичи ищу.

Серый вздохнул. С Челло или Индусом было бы куда проще. Можно, конечно, надавать Малому по ушам, отвесить пендаля и простым сержантским языком объяснить, кто он, кто его родители и все родственники «до седьмого колена», но они это уже проходили, поэтому Серый просто и даже ласково сказал:

– Угрёбок, здесь нет кирпичей. Вали к дороге, ищи там.

Малой уставился на Серого как собака, силящаяся понять человеческую речь. В глазах его замельтешили искорки мыслительного процесса, перешедшие прямо-таки в неоновые

вспышки понимания, а затем он сорвался с места и унёсся в кусты, нелепо размахивая руками.

Вслух помянув всякие половые органы, Серый подошёл к трупу, присел на корточки, потом на всякий случай оглянулся. Малому не нужно было видеть, что он будет делать. Обшаривать покойников само по себе малоприятное занятие, а если Малой заведёт шарманку про то, что у мужика были родственники, знакомые и вообще это «не по понятиям» и мародёрство, придётся его бить. Тогда Малой обидится и убежит. И всё опять упрётся в метраж унесённого кабеля.

Конечно, совать руку в карман брюк мёртвого человека противно. И даже страшно – вдруг там дырка и ты коснёшься пальцами прямо мёртвой кожи? Хотя, с другой стороны, вон кусок свинины же берёшь, когда шашлык делаешь – и ничего.

– Хорош менжеваться, – вслух сказал себе Серый. – Давай!

Ему очень нужны были деньги, и он сделал это. Обшарил, обшманал, обыскал труп. Точнее – его одежду. И ни хрена не нашёл. То есть нашёл, но всякую ерунду – раздавленный коробок спичек, заклеенную изолентой обложку от водительских прав, гаечный ключ на тринадцать-четырнадцать, пачку «Примы» с двумя мятыми сигаретами, закопчённый и воняющий кислым даже на расстоянии в метр обкусанный зонский мундштук из эпоксидки, канцелярскую скрепку и почему-то старый металлический рубль с Лениным. Больше в

карманах ничего не было.

Ругаясь шёпотом, Серый быстро рассовал все обратно, оставив себе только спички и «Приму» – мёртвому они уж точно не нужны. Рубль тоже оставил – он теперь не деньги вообще, ничего не купишь, но... хорошая вещь. Можно кулончик для Клюквы сделать, если зашлифовать на наждаке лысую голову вождя мирового пролетариата и дырочку просверлить.

Солнце чуть поднялось над холмами за городом, но здесь, у оврага, за деревьями, было видно только масляные отблески на листьях. Серый закурил сыроватую «Приму», то и дело сплёвывая с губ табачинки, и посмотрел на труп.

Вернее, взгляд Серого сам собой постоянно переползал на него с неба, с верхушек деревьев, с сиреновой мглы оврага, с кустов, травы и холодной жилы провода, соединившей мир живых с миром мёртвых.

Поневолле полезли всякие мысли. Вот он лежит. Не особо старый вроде, родился в войну или после. По-любому жил человек где-нибудь; маленький был – родители смеялись, радовались, что у них есть сынок. Потом садик, школа, в общем, всё как у всех. И понеслась – хулиганил, учился плохо. В пятом классе начал курить, дрался, младших изводил, деньги тырил. Классе в восьмом забухал первый раз.

Фантазия Серого, подстёгнутая адреналином, понеслась вскачь, разматывая клубок чужой жизни: в семидесятых, в школе ещё, грабанул с корефанами киоск «Союзпечать», де-

нег оказалось мало, рублей тридцать. Забрал всё себе, корефанам купил бутылку водки, а себе – блейзер фирмовый. Корефаны набухались, подрались на танцах, залетели в ментуру. Там их прессанули – они его и сдали, мол, это он киоск вскрыл, и вообще основной. Ну, дальше инспекция по делам несовершеннолетних, учёт, дело в суд и два года условки. А там до третьего предупреждения. Он их махом нахватал – и поехал на «малолетку». Быстро стал волком, страх потерял – надо было держать себя. Вышел – всё. Готовый. Через год бабу с ребёнком ограбил и пошёл уже на взрослую зону. И – жизнь «по своей колее», как у Высоцкого.

Тубик подхватил, когда воровское отрицалово поддерживал: «Эти руки никогда не будут знать работы, начальник!». Администрация в ШИЗО батареи на минимуме держала – воспитывали. Там он и начал кашлять. Дальше опять всё как у всех – больничка, попытка побега, новый срок. Кашель не проходил, авторитет рос. Закончилось все УДО по состоянию здоровья и направлением в Средневолжский тубдиспансер – доживать. То, старое государство, было доброе, беззубых волков на полный пансион ставило.

А потом доброго государства не стало. И всех зонских тем вместе с ним. Наступила эпоха отморозков и беспредела. Ну, он – никому не нужный – покантовался пару лет между овсянкой и передачей «Играй, гармонь!» по субботам утром, и решил хапнуть напоследок – пожить.

Серый представил, как этот зонщик где-то за дорогой на

складах откручивает болты на стопоре катушки, как тянет, обливаясь потом и постоянно перхая, провод. Как боится, что его в любую секунду зашухарят и тогда всё – нового срока не будет, его просто забьют лопатой и зароют у складского забора.

Обошлось – охранник два дня бухал и дрых в вагончике, а собак на складе давно не было. Собак нужно кормить, иначе они превращаются обратно в волков и уходят в лес.

Он вытянул провод, но его оказалось неожиданно много, двести метров. Это была большая удача, большой хапок. Он так и бормотал обмётанными губами, выталкивая слова сквозь редкие, прокуренные усы: «Большой хапок, суки! Фартовый я, мля! Фартовый!»

Конечно, двести килограмм провода в одиночку унести нельзя. Но можно тащить – по мокрой от росы траве идёт как по маслу. И он тащил, волок, упираясь рваными кедами, хрипел, кашлял, плевался. Остановился отдохнуть, закурил, понял, что зря – сердце подскочило к горлу, заколотилось в ушах, руки-ноги сделались ватными, а воздух исчез совсем, как будто в рот запихали поролон из автомобильного сиденья.

Бросил сигарету, отдышался, взвалил хвост скользкого, увёртливого алюминиевого червяка на плечо и потащил дальше. Начался подъем. Нужно было поднажать. Здоровый мужик без проблем проволок бы провод через этот бугор, а он забуксовал. Понял, что – не осилит, но волчья звонкая

злоба взяла своё – на кураже, на «накося, начальник, поцелуй меня в очко» попёр, попёр – и...

– Сердце не выдержало, – сказал Серый вслух, докуривая. И зачем-то добавил: – Наверное. Инфаркт. Или аорта...

Других смертельных болезней он в этот момент не вспомнил.

– Серый, я нашёл! – заорал в кустах Малой. Раздался треск, зашумели ветки.

– Не ори, – больше для проформы одёрнул его Серый. По дороге за деревьями проехала машина. Их никто не мог услышать – кому тут ходить в шесть утра осенью? В лесу грибники хоть встречаются, а здесь...

Малой притаранил белый силикатный кирпич, измазанный гудроном, и погнутую железяку – здоровенный стопорный болт, такие в фаркопы вставляют, чтобы прицеп не соскочил. Это было то, что надо. Теперь оставалось самое простое – шагами отмерить два раза по тридцать-сорок метров – больше им было не унести – подсунуть кирпич под провод, перебить его стопорным болтом, смотать куски в бухты и нести Толяну Старому на Приёмку.

Малой приплясывал поодаль, бросая на мертвеца такие взгляды, что Серому тоже становилось страшно.

Идти на другой конец провода было лень, поэтому Серый решил выдернуть конец из мёртвых рук зонщика и начать мерить с этой стороны. Но покойник держал провод крепко – Серый даже вспомнил байки про посмертные судороги и всё

такое.

– Да и хер с ним, – решил он, – отобьём вот тут и померяем.

Серый подсунул кирпич под провод в метре от ног трупа, занёс болт и уже собирался нанести первый удар, как вдруг за спиной раздался спокойный голос:

– Э, пацан. Стоять. Брось.

Серый медленно опустил руку с болтом, и, не поднимаясь, повернул голову.

На дальнем конце поляны замерли трое мужиков. Не парней, не пацанов, а именно мужиков – деловитые такие телогреечные дяди в щетине, руки в карманах.

Издав заячий вскрик, Малой шарахнулся в сторону оврага, сиганул вниз, и Серый услышал треск ломающихся веток – там как будто рвали целлофановый пакет.

– И чё? – тупо спросил он.

– Брось железку, – не повышая голоса, сказал один из мужиков. Он был чуть ниже двух других.

– А то чё будет?

– Ничё не будет, – вступил в разговор ещё один, и все трое двинулись к Серому. – Для тебя – вообще ничё. Пришибём и бросим рядом с Кузей.

Серый выпрямился, но болт бросать не собирался – если что, им запросто можно было проломить череп.

– Его Кузя звали?

– Типа того, – спокойно сказал низенький. – Хочешь, мен-

тов вызовем. Мы свидетели – это ты его ушатал. Вот этой приبلудой. А?

Серый не стал дожидаться, когда они подойдут вплотную – повернулся и пошёл, каждую секунду ожидая топота и шелеста травы.

Они не побежали за ним сразу. Но вдруг слева что-то свистнуло, и совсем рядом в траву воткнулся, взрыв влажную землю, самодельный молоток – железная балдоха, приваренная к трубе. Серый сорвался, побежал прямо к дороге, понимая, что играет со смертью. Надо было сразу ломиться за Малым, но его буквально затопила вязкая, как мокрота, злоба – он опять, опять, опять пролетел!

* * *

Когда дует ветер, провода воют. Почему-то считается, что они гудят, даже песня есть такая. А Челло стихи какой-то бабы читал, там про то, как гудят провода её высокого напряжения. Только вот нифига. Не гудят они. Именно воют. Особенно хорошо это слышно, если воскресенье, праздник или еще какой-то выходной, и на трассе за холмом машин не очень много. Небо в такие дни бывает странное – как будто его нарисовали. Синее, а не голубое, и по небу летят куски очень белых облаков.

Когда Серый был маленький... он сам злился от этого вот «когда я был маленький», но по-другому не умел. У него все

воспоминания о том, что на что похоже, были из детства почему-то. Так вот, когда Серый был маленький, на Новый год под ёлку всегда клали большую кучу ваты. Она хранилась в коробке с игрушками, и в ней запутывались ниточки дождика, полоски серпантина, разноцветные веснушки конфетти, хвойные иголки и прочая новогодняя мишура. И так было каждый год, много лет.

Но как-то, в какой-то Новый год, вату поменяли, и она была чистой, новой. Вот облака в ветреные дни напоминали ему такую вату – новё, муха не сидела.

Они неслись по небу, и если долго на них смотреть, начинало казаться, что сейчас где-то в необразимой дали, в синей бездне, вдруг мелькнёт огромное, жуткое и суровое, лицо бога. Не Бога, а одного из языческих богов – сердитого Зевса со сведёнными бровями, неистового Сварога, объятых рыжим пламенем волос, или мудрого и спокойного Тора.

Но скорее всего хитрого, злобного Локи с тонкими губами.

Конечно, ничего этого не происходило, все существовало только в воображении Серого. А вот провода были в реальности, по-настоящему. И опоры ЛЭП были настоящими. Ему всегда казалось, что это скелеты древних существ, гигантов или великанов, что держали в руках прозрачные трубопроводы, опутавшие всю Землю. По этим трубопроводам текла некая светящаяся энергетическая жидкость, очень важная для жизни людей.

А потом что-то произошло. Катастрофа, излучение, нейтронная бомба, колдовство – не важно. И великаны погибли. Умерли на месте. Их плоть исчезла: сторела, расправилась, растворилась. Остались только железные скелеты. И от трубопроводов остались хребты, бесконечные позвоночники в виде проводов. И вот стоят теперь по всей планете, на всех материках, в горах в пустынях, на побережьях, в тайге эти здоровенные стальные костяки, словно памятники исчезнувшей цивилизации, Атлантиде какой-нибудь.

На Ёриках провода в одном месте висят низко – холм потому что – можно взять лопату и дотянуться, если подпрыгнуть. Метра четыре короче. Малой тему предлагал – взять садовый секатор, которым ветки обрезают, и щёлк-щёлк, срезать метров пятнадцать провода. Челло тогда грустно сказал:

– Жаль, что цивилизация отменила естественный отбор.

А Индус просто врезал Малому по затылку и объяснил, что он три раза дурак. Во-первых, потому что менты сразу вычислят, кто это сделал. Во-вторых, потому что по этой ЛЭПе идёт ток в весь Средневожск, и к нему, Индусу, домой тоже. А в третьих, там такое напряжение, что Малого сразу убьёт, и не просто убьёт, а зажарит заживо. Не зря же эта ЛЭПа называется «ЛЭП-500», по числу киловатт.

Сегодня не выходной, машин на дороге полно, но ветрено и поэтому провода слышно. Облаков, похожих на вату, правда, нет. Наоборот, высоко-высоко размазаны неподвижные

«кошачьи хвосты», точно кто-то – Вишну, Шива или Индра – махнул несколько раз малярной кистью, окунув ее в известку. Про Вишну, Шиву и Индру Серый прочитал в книжке с красивой обложкой и дурацким названием «Бхагавадгита», найденной на остановке. Таких книг в один момент в городе стало много – говорили, что их раскладывали в людных местах кришнаиты.

Серый вообще любил читать, и лет до пятнадцати читал все подряд, вообще все, до чего мог дотянуться. Потом, с возрастом, появились другие увлечения, и времени на чтение оставалось мало, но даже в армии Серый умудрился раздобыть книжку, «Следопыта» Фенимора Купера, и читал ее в нарядах, когда нечего было делать.

...Провода воют. Низко, утробно, безнадежно. Опять же из детства, из какой-то книжки, Серому запомнилась фраза «Вой собаки пророчит беду». Про собак он не был уверен, они все время воют. На старых гаражах, ближе к городу, большая стая бродячек живёт. Или они там все четвероногие пророки, или просто порода такая, но воют постоянно, особенно когда стемнеет. Но особой беды вроде не наблюдается, если, конечно, не считать, что Перестройку и все последующие события не навывли эти шавки.

А вот провода точно воют не к добру. После таких вот дней, когда ветер и сухо, и небо высокое, всегда что-то случается. Или порежут кого-нибудь во время махача, или кто-то отравится палёной «Метаксой», или, чаще всего, просто

труп найдут. В подвале или лесопарке. Романыч, пацан с «Тридцатки», весной наткнулся на такой. Они с двором бухали в лесу, он поссать отошёл – и увидел. Лежит мужик, в кожаной куртке, в штанах вельветовых. Воняет. И руки за спиной проволокой связаны. И уха уже нет, и кожа с черепа слезла.

Менты потом сказали: «подснежник», с осени остался. А ещё они сказали, что это был несчастный случай, и что умер тот мужик от сердечного приступа.

«Ага, – мрачно подумал Серый. – А приступ случился из-за того, что он сам себе руки проволокой скрутил. Хотя каждый же знает: ментам верить – себя не уважать».

* * *

После обеда надо было бы сходить на Ёрики, проверить, как там Афганец и вообще, но у Серого нашлись другие дела. Он собрался на «Баню». Зачем? Он и сам не знал. Собрался – и всё. Тянуло. Надежда, как известно, умирает последней. Всегда веришь, что чудо возможно, всегда кажется – а вдруг?

Да, Клюква теперь жила на «Двенашке», в коттедже у Флинта. Ну, у его сына, Сынули, у чма этого... Но на «Бане» у неё мать, квартира. Может же она к матери зайти? Вполне.

Примерно так и рассуждал Серый, а ноги сами несли его по Куйбышева, по Ленинградской, по Рыночной...

...«Баня» – странный двор. Три пятиэтажки, а с четвертой

стороны забор Седьмой школы и бойлерная, большое двухэтажное здание из серых бетонных плит с трубой, похожей на кирпичную пушку, нацеленную в небо. Местная шулупень в школу ходит, понятно дело, прямо через дырку в заборе и мимо бойлерной. Там ещё гаражи какие-то, склады и трубы, укутанные блестящей фольгой. От труб зимой идёт пар, бойлерная тоже извергает облака белой, похожей на сладкую вату, воды в её третьем агрегатном состоянии. Короче, все парит и дымит, как Долина гейзеров на Камчатке.

Почему двор называется «Баня», понятно. А вот саму бойлерную называют почему-то «Мастерская», хотя никакой мастерской там нет. Может, когда-то давно была. Но это не важно. Важно, что Клюква жила в сорок шестом доме, в крайнем подъезде. И Серый её туда провожал много раз. И целовался у окна на втором этаже, рядом с батареей и почтовыми ящиками. И не только целовался, но и лез руками куда нельзя, а она, Клюква, была не против.

И всё было хорошо...

А потом в его жизни случилась армия, «Рота! Подъем!», стёртые до крови ноги, вечный недосып и старший прапорщик Пилипенко с его неизменным: «Солдат без работы – это преступление». А когда Серый демобилизовался, то выяснилось, что не только у страны, но и у Клюквы в жизни произошли большие перемены – там появился чёрный джип «Ниссан-патруль», «новый русский предприниматель» Флинт и его Сынуля. И ночные поцелуи у батареи в подъезде закон-

чилились.

И всё закончилось.

Серый свернул с Рыночной к «Бане», привычно огляделся – все как всегда. Несколько машин вдоль газонов, сарайки в глубине двора, железные стойки для белья, похожие на буквы «Т», сломанные качели, грибок над пустой песочницей, огромные тополя вдоль забора Седьмой школы, и над всем этим – плывущая сквозь низкие облака труба, извергающая белый, жирный, сметанный какой-то, дым.

Или пар.

Дорога до крайнего подъезда левой пятиэтажки была известная Серому до мелочей, до каждой трещинки в бордюрах, до каждой выбоинки в асфальте, до... Да он даже цвет занавесок в окнах чуть не всего дома помнил!

И скамейку у гаражей. На ней, ближе к краю, вырезано: «С+Н». Серый и резал, любимым ножом-«рыбкой». Это было давно. Два года и три месяца назад. Ещё до армии, до ГКЧП.

В прошлой жизни.

Присев на скамейку, Серый закурил – а что ещё делать? Окна квартиры Клюквы выходили на другую сторону, но маячить под ними Серому не хотелось. Клюквина матуха, Татьяна Дмитриевна, всегда его не любила. Да она вообще никого не любила из пацанов, все хотела, чтобы доченька училась хорошо и на глупости не отвлекалась. По мнению Татьяны Дмитриевны, пацаны только этими самыми глупостями и занимались, и ничего больше на уме у них не было, и быть не

могло. А Клюква «...девочка очень умная, но увлекающаяся. Поэтому до определённого возраста ей необходим строгий присмотр». Такую витиеватую фразу Татьяна Дмитриевна произнесла, когда Серый пришёл делать предложение в первый раз. Потом был второй. На третий матуха Клюквы вызвала милицию. Это было за две недели до того, как он ушёл в армию.

Теперь всё не так. Теперь никто и ни от чего не отвлекает Клюкву. Теперь она просто живёт с сыном самого богатого в городе человека в его загородном коттедже на «Двенашке». И Татьяна Дмитриевна очень довольна: «Наденьке так повезло! Это такая семья, такая...» Собственно, ничего конкретного, помимо этого восторженного бляения, Серый от Клюквиной матухи не слышал. А когда попробовал надавить – мол, нам надо поговорить, передайте Наде, что я буду ждать её возле... – тут же услышал в ответ: «Ещё раз придёшь – позвоню Павлу Филимоновичу. Он пришлёт своих помощников. Они хорошие мальчики, образованные. Они тебе все объяснят, Серёжа».

Серый знал «хороших мальчиков» Флинта – они качались в Спорткомплексе и заседали в коммерческом ресторане «Шехерезада», принадлежавшем все тому же Флинту. Дрон, Комок, Рифат-очки, Пух и прочие «центровые». Серый ещё знал, что, в отличие от ментов, они не будут вести разговоры в кабинете и не ограничатся подзатыльником. Скорее всего, выбьют зубы, сломают руку или ногу и бросят

в карьере за заправкой. Добирайся до города, как хочешь, лечись, выживай – и делай выводы. Или не делай. Но тогда в следующий раз тебя просто убьют.

Поэтому Серый и сидел на скамейке, гладил пальцем на теки краски на буквах «С+Н», а не шёл к Татьяне Дмитриевне.

Не шёл. Сидел. И надеялся. «Надежда – мой компас земной». Была в прошлой жизни такая песня. Теперь поют другое – про «два кусочка колбаски», «вишнёвую девятку» и «амэрикан боя». У Флинтова сынули девятка как раз вишнёвая. Прямо из песни. Но он предпочитает отцовский джип «Ниссан». Про джип песни нет, есть поговорка «Лучше с братками на «Гелике», чем с пацанами на велике», да и Сынуля ставит в основном иностранную музыку, Кайли Миноут или «Эйс оф Бейс» – «Оу, началось...»

Прошло минут двадцать или чуть больше. Серый выбросил четвертую или пятую по счету сигарету и понял, что накурился до тошноты. Он готов был сидеть здесь, под тополями у гаражей, и час, и два, и хоть сутки – лишь бы увидеть Клюкву. Увидеть одну, без Сынули, без «мальчиков».

Без никого.

Увидеть, окликнуть, подойти. Поздороваться. Улыбнуться. И чтобы она улыбнулась в ответ. Тогда там, где сердце, сразу станет тепло. И небо как будто приподнимется, и ветер стихнет. И можно будет постоять чуть-чуть, хотя бы пару минут, греясь...

– Привет!

Девичий голос долетел, словно записочка на уроке. Серый вздрогнул, вскинул голову. Сердце дало перебой и зачастило, как шарик для пинг-понга по ракетке.

Но это была не Клюква. У подъезда стояла и улыбалась, по привычке чуть склонив голову набок и глядя сквозь крашеную чёлку, Лёнька.

Ну, зовут её, понятно, не так, а вполне себе Ленка, а целиком – Елена Леонидовна Костромина, но как-то пошло, ещё в классе пятом: «Ленка Лёнькивна», а потом и просто – Лёнька.

Нормальная тёлка, но странная какая-то. Как птица с перебитым крылом. Лёнька даже прихрамывала, вроде она в детстве, в секции по гимнастике, с коленкой что-то сделала. Из-за этого шаг у неё получился заметный – ноги по одной линии, словно лисица идёт через заснеженное поле. И вообще Лёнька на лису похожа – худая, чёлка эта рыжая, улыбка и зубки мелкие, острые.

А ещё она была подружкой Клюквы. Они раньше, до всего ещё, вместе всегда ходили. На танцы там, в кино и вообще.

Сейчас дружбы особой, наверное, не осталось, но Серый видел их вместе несколько раз – в центре, в магазинах. И в «Шахерезаде» с «мальчиками» Флинта.

– А, это ты... – сказал Серый и машинально полез за сигаретами. Привык уже за час на этой скамейке. – Привет.

– Давно не виделись, – сказал Лёнька и подошла. В руках у

неё была по сумке с продуктами. Сумки старые, стиранные – явно родительские.

Серый подвинулся, давая место на скамейке поставить сумки.

– Дела всякие, – уклончиво ответил он.

Лёнька присела на краешек, вытянула ноги, заложила одну за другую, как будто на пляже.

– Ты с работы что ли? – спросил Серый. Лёнька работала в городской библиотеке № 7. «За чай», как она говорила с грустным смешком.

– Ага, – Лёнька смахнула чёлку, закинула голову, посмотрела на облака. – Дождь будет. А ты к Надюхе?

Серый повертел в пальцах незажжённую сигарету, тупо глядя на оббитые носки кроссовок.

– Она вчера заходила, – словно бы не замечая состояния Серого, продолжила Лёнька. – Матери вещи привезла – кофточку итальянскую, сумку. Краску для волос. Красное дерево, сейчас модно. Видел?

– Мне плевать, – глухо выдохнул Серый.

– Серенький, – Лёнька повернула к нему голову, чёлка свесилась до подбородка, – а ты ведь дурачок, знаешь?

– Сама ты!.. – вспыхнул было Серый, но встретился с зелёным лёнькиным глазом, насмешливо буравящим его сквозь рыжие волосы – и снова перевёл взгляд на кроссовки.

– Дурачок, дурачок, – пропела Лёнька и забрала у него из пальцев сигарету. – Ты же с Надюхой сто лет знаком.

– Ну?

– Мну, гну, потом дам одну, – неожиданно резко сказала Лёнька. – Хочешь быть с нею?

– Ну... да! – Серый выпрямился, посмотрел на дом, на подъезд.

– Тогда сделай так, чтобы у неё было то, что ей надо.

– А что ей надо? Я её люблю! – в голосе Серого зазвучал вызов.

– Да-а?.. – Лёнька засмеялась, но как-то не по настоящему, немножко громче, чем смеются нормальные люди. Засмеялась как в кино. – И что ей делать с твоей любовью? Зимой в мороз надевать? На хлеб намазывать? В уши вдеть?

Серый достал зажигалку, протянул Лёньке. Раньше в Средневолжске правильные пацаны никогда не давали прикуривать девчонкам – запахло. Типа бабам рожать, а ты им своей рукой сигарету запаливаешь. Запахло.

Но это было раньше.

– Ты чё, долбанулся? – искренне возмутилась Лёнька и вернула Серому сигарету. – Тут же видно всем.

– Я найду деньги, – сказал Серый.

– И что? – Лёнька тряхнула головой. – Ну найдёшь, в видеосалон сходите, конфет купишь, шампанского, цепочку золотую... А потом?

– Что – «потом»?

– Ничего потом, – Лёнька усмехнулась. – Опять месяц деньги искать? Деньги – они всегда должны быть, понима-

ешь? Как горячая вода в кране.

Серый промолчал. Умная Лёнька попала в самое большое место. Работы, чтобы нормально зарабатывать, в Средневожске не было. Нет, на самом деле рабочие разных специальностей требовались везде – и на Механическом заводе, и в Управлении буровых работ, и на Приборном, и на Компрессорном, и на Счетмаше, на Станции, не говоря уже про всякие конторы и мелкие фабрики типа писчебумажной или швейной. На крайняк можно было пойти санитаром в больницу или механиком в УТТ.

Вот только нигде толком не платили уже год как. А нафиг нужна работа без денег?

– Я бизнесом займусь, – буркнул Серый. – Ларёк открою. Мы с Индусом...

Он замолчал. Лёнька рассмеялась – на этот раз тихо, невесело. Серый скосил глаза и увидел, что джинсы у неё прошиты по низу вручную. Но с Лёнькой всё было понятно – мать на пенсии, отца нет, у самой зарплата смешная, меньше, наверное, только на почте платят. Да и в сумках – Серый знал точно – не икра, не модная водка «Rasputin» – «Вот так я вам подмигиваю!», а самое простое: хлеб, картошка, лук, подсолнечное масло, майонез и полкило конфет «Школьника» – на работу к чаю.

– Серенький, – Лёнька поднялась. – Из тебя бизнесмен как из меня Шарон Стоун. Ладно, я пошла. И ты иди. Не приедет она сегодня.

Лёнька взяла сумки, сделал пару шагов.

– Слышь... – Серый тоже поднялся. – Ты ей скажи... Ну, передай там... Ну, короче...

– Сам передашь, – не оборачиваясь, сказал Лёнька. – В пятницу вечером, после Осенней ярмарки, в «Шахерезаде». Толмачёва в субботу замуж выходит, у нас там девичник будет, в Белом зале. На ярмарке потусуемся – и туда. Только приходи не вначале и не поздно, чтобы на Игоря не нарваться.

– Да чё мне Сынуля этот ваш! – крикнул Серый, сжав кулаки. – Чмо прикинутое!

– У него пистолет есть, Серёжа, – Лёнька повернулась и посмотрела на Серого в упор. – Я сама видела. А главное – ты же не махаться туда идёшь, а с Надюхой поговорить, так?

– Ну.

– Вот и приходит к семи. Не раньше и не позже. И это...

– Чё ещё?

Лёнька повернулась и пошла к подъезду.

– Я тебе ни-че-го не говорила, – долетели до Серого её слова.

* * *

Теперь у Серого в голове всё сложилось. Как кубик Рубика. Всё встало на свои места. Легло на полочки. Он увидится с Клюквой. Поговорит. По-настоящему, как мужчина. Всё

ей скажет. И подарит... слова Лёньки про цепочку крепко засели в голове у Серого, но потом он понял: цепочка – это мало. Нужно что-то ещё. Или что-то другое. Чтобы Надька сразу понял – всё серьёзно.

«Хорошо бы акции купить, – подумал Серый, шагая по улице в сторону дома. – Такие, где дивиденды платят». По телику показывали рекламу с артистом Ясуловичем – «Народный чековый инвестиционный фонд», акции в каждом Сбербанке. Или «Хопёр-инвест». В общем, «НПО «Альтернатива»: «При всем богатстве выбора другой альтернативы нет».

Он представил, как, приходит в «Шахерезаду», как вызывает Ключку в коридор из Белого зала... Нет, лучше на улицу! Почему-то в голове Серого сразу возникла «девяносто девятая», на которой он приехал, кожаная куртка на плечах – и толстая «котлета» акций в руках. И Ключка – тоненькая, в коротком платице, на каблучках, глазища в пол-лица...

«Стоп! – сказал себе Серый. – Какая «девяносто девятая», какая куртка... Да и акции откуда? Это ж денег надо столько...»

Сколько, он на самом деле даже представить не мог. А вот цену цепочки в ювелирном на рынке знал точно – восемнадцать тысяч. Красное золото, плетение «кардинал». Бронницкий ювелирный завод, 585-ая проба, сертификат – все дела.

Серый в итоге собрался на Ёрики, гори они огнём. Шёл и думал. Слова Лёньки всё перевернули у него в голове. Про Осеннюю ярмарку он уже слышал – пацаны во дворе рассказывали, что в воскресенье на рынок приедут коммерсанты из Самары, Казани и Ульяновска, во Дворце Культуры выступит группа «Комбинация», и вообще случится тусовка.

Тусовка – новое слово. Как брокер, дилер, менеджер или беспредел. Раньше таких слов не было. Раньше все больше говорили о светлом – будущем, головах, пути. А потом свет куда-то делся, и наступили сумерки. Это Челлю так придумал – сам Серый до такого не то чтобы не допетрил бы, просто в двадцать один год обычно думается о другом. Например, о том, что если тусовка – значит, там обязательно отметятся все «центровые». И Клюква, Лёнька его не обманывала, ей незачем. А раз Клюква, он должен быть в «Шахерезаде» в семь обязательно.

И опять все упёрлось в деньги.

Деньги теперь стали самым главным в жизни. И сразу как-то оказалось, что писатели из школьной программы, все эти Чеховы, Толстые и Лесковы, писали правду. И Достоевский. Серый весь прямо чесался изнутри от желания взять топор и привалить в тёмном переулке какую-нибудь старуху-процентщицу. Миллиона за два. Или даже за один.

А ещё деньги можно было «заработать честным путём», то есть торговлей или бизнесом. В конце января Ельцин даже специальный указ издал: «О свободе торговли». Его не только в газетах напечатали, но и на стенах домов расклеивали, как манифесты в Гражданскую войну: «В целях развития потребительского рынка, стимулирования конкуренции, преодоления монополизма в сфере розничной торговли и создания условий для быстрого развития торговой и посреднической сети в условиях либерализации цен постановляю: Предоставить предприятиям независимо от форм собственности, а также гражданам право осуществлять торговую, посредническую и закупочную деятельность без специальных разрешений с уплатой установленных платежей и сборов, за исключением торговли оружием, боеприпасами, взрывчатыми, ядовитыми и радиоактивными веществами, наркотиками, лекарственными средствами, проездными билетами и другими товарами, реализация которых запрещена или ограничена действующим законодательством».

Вот после этого и началось. Повсюду стали расти ларьки, магазинчики, называемые коммерческими, и павильоны. Торговали всем подряд, «взасос», как говорил Челло. Продукты, одежда, бытовая техника, аппаратура, кассеты с фильмами, сигареты поштучно...

Вот только почему-то денег у людей больше не стало.

...Афганец, как обычно, валялся в будке на продавленном диване, с утра пьяный и недовольный. Он всегда такой – злой, а точнее злобный. Челло называл его «наш карманный Кальтербруннер», а поскольку эту фамилию никто на Ёриках выговорить не мог, Афганца все просто звали Афганцем.

Серый заглянул в мутное окно будки. На продавленном диване перед маленьким телевизором «Юность» лежал обрюзгший, небритый мужик в старом армейском бушлате. Серый вздохнул, повернулся к двери. Перед тем, как войти, он оглянулся и снова вздохнул.

Дождь висел в воздухе, как слезы Бога. За пологим горбом холма виднелись пятиэтажки «Коминтерна» – пригорода Средневолжска. Слева и справа, на склоне за заборами, похожими на сломанные антенны, торчали разномастные домики дачного товарищества «Прогресс». Чахлый лесок справа, а ближе, за будкой Афганца – ворота, сваренные из арматуры. Сверху ржавая вывеска: «ООО «Бедный Ёрик». Ниже надпись по-английски: «Pet Sematary¹». Ещё ниже – перевод, надпись краской от руки, криво: «Кладбище домашних любимцев».

Серый хотел ещё раз вздохнуть, но передумал и плюнул

¹ Кладбище домашних животных (англ.)

в лужу у двери.

Год назад Афганец назвал идею сделать на выданном родителем Серого горсоветом ещё в восемьдесят пятом дачном участке кладбище для собак и прочих хомяков – «хороший бизнес». С тех пор на кривом, пологом куске земли, с трёх сторон затянутом сеткой-рабицей, появилось с пару десятков могил четвероногих спутников человека, некоторые даже с памятниками, а за будкой, у опоры ЛЭП, разместился небольшой «колумбарий» – залитая цементом площадка, куда вмуровывались урны с прахом. Кремацию Афганец проводил лично, в бочке возле туалета. Похоронить собаку или любое другое животное в «колумбарий» стоило дороже, чем просто в землю, и поэтому было более популярно среди средневожских коммерсов и «новых русских».

Вообще раньше, «до всего», в той, «мирной», как её называл Челло, жизни, средневожцы как-то не особо увлекались содержанием домашних животных. Была, конечно, кучка собачников с породистыми псами – модными колли, смешными эрдельтерьерами, которых Серый в детстве именовал «сардельтерьерами», нелепыми пуделями и всякими немецкими овчарками. Они собирались выгуливать разномастные собачьи стада за «технарским» стадионом, у них там была площадка с бумом и всякими прочими препятствиями для собак.

В пёстром собачьем стаде выделялись изящная афганская борзая, принадлежавшая инженеру с Мехзавода Короткову

и собака былинных статей – московская сторожевая Альма, жившая у тренера спортшколы Ахметова. Поскольку псы были приметными, их в городе знали практически все и даже как-то гордились, как гордятся городскими сумасшедшими или инвалидами: «А это дядя Витя-самовар. Ему на войне руки и ноги оторвало, но жена его привезла из госпиталя и с тех пор сорок лет уже живут. Трое детей у них, восемь внуков, прикинь?»

Ещё, помимо породистых собак, «до всего» в Средне-волжске держали дворняжек, в основном по частным домам на окраинах, и всяких мелких болонок «бабушкина радость» в квартирах. В общем, собак было немного, кошек вообще никто не считал, да как-то людям было не до этого – они работали, строили светлое будущее, по вечерам читали газет «Труд» и смотрели «Кинопанораму» или «Вокруг смеха».

А потом светлое будущее отодвинулось за круги этого мира, было официально объявлено, что всё, ради чего надрывались несколько поколений – зря, и теперь у нас капитализм. Теперь главное – бизнес и бабки. И ещё «*homo homini lupus est*²», как называл это Челло.

Как ни странно, но первым делом все глобальнейшие изменения, произошедшие в бывшем «тоталитарном советском», а ныне «свободном российском» обществе, отразились на собаках. Точнее, на их породах. Куда-то исчезли благородные колли и интеллигентные эрдели. Даже честные

² Человек человеку волк (лат.)

солдафоны-овчарки пропали, словно бы их за годы и годы безупречной службы на благо охраны общественного порядка приравняли к героям «огоньковских» публикаций, «палачам НКВД» и неким метафизическим лобзиком вырезали из плоти бытия навсегда.

Теперь по центральным улицам Средневолжска фланировали начинающие предприниматели и вполне себе сложившиеся акулы местного капитализма, а также бандиты, менты и успешные юристы. А рядом с ними на «строгачах» вышагивали, сурово оглядывая пространство окрест, мордастые ротвейлеры, красноглазые мастино неополитано, мрачные кавказцы, похожие взглядом на уголовников-рецидивистов стаффордширские терьеры и «хиты сезона» – питбули.

Об этих собаках ходили легенды, их заводили не просто из-за какой-то там абстрактной «любви к животным». Это был особый, крутой, как теперь говорили, понт. Каждый уважающий себя «браток» просто обязан был иметь на пассажирском сидении своей «девяносто девятой» хотя бы буль-терьера, свинячьими глазками садиста зыркающего на каждого, подходящего к машине.

Считалось, что лучшей охранной системы автомобиля, чем буль или стафф, не существует. Даже придуманный сатириком Задорновым «клоп-спидоносец» пасовал перед их челюстями, по слухам, способными перекусить ствол автомата Калашникова.

«Прикинь, какие-то чмыри приبلудные у Лысого с «Юж-

ного» тачку хотели угнать. Линейкой двери вскрыли, а он Черчилля, питбуля своего, в машине на ночь оставил. Ну, те такие дверцу открывают, лезут под руль, начинают провода скручивать. А Черчилль лежит на полке и ждёт. И когда тачка уже завелась, он бросился и руку тому перцу перекусил. Кровища хлобыстнула, те на измену и свалили. Лысый из дома выскочил, к тачке подбегает – а там рука на проводах под рулём висит, прикинь? И след кровавый. Он, короче, Черчилля взял и по следу пошёл. А те за будкой трансформаторной сели, кровь пытаются остановить. Ну, там Лысый их и накернил всех троих, еле до больницы доползли утром. А чё, куда рыпнешься, когда Черчилль рядом? У него сила челюстей как у домкрата, сто килограмм на сантиметр сжатие, понял? Американцы специально таких собак вывели, чтобы лимузины от негров-воров охранять. Вор руку просунет внутрь – хобана, и нет руки!»

Историй про собак было множество. Владельцы искренне гордились своими четвероногими «орудиями смерти», презрительно смотрели на бледнеющих соседей, прижимавшихся к стенам подъездов, когда они гордо проводили своих питомцев, презрительно бросая через плечо: «Не бойсь, он падаль не жрёт».

Дошло до того, что в Набережных Челнах, буквально недавно вернувших себе историческое название – до этого «КАМАЗ-град» шесть лет именовался Брежневым – появился питомник бультерьеров, предлагающий за очень прилич-

ные деньги щенков от мировых рекордсменов. Гонцы от всех крупных ОПГ Поволжья и даже из Москвы устремились в город на Каме и вскоре привезли своим боссам крохотных белобрысых щеночков с трогательными ресничками и мокрыми розовыми носиками.

По инструкции питомника бультерьерчиков докармливали специальными молочными смесями из соски, холили и лелеяли до тех пор, пока у них не сформировались пяточки и не закрутились хвостики. Когда до мафиозников дошло, что под видом бультерьеров им всучили обыкновенных поросят, разразился дикий скандал. Какого-то бедолагу, подвернувшегося под горячую руку, даже с горя пристрелили. Естественно, никаким питомником в Челнах уже и не пахло, хитроумные камские улисссы смазали лыжи, и след их простыл. После той истории репутация ни в чем не повинных булей существенно пострадала, и их место прочно заняли стаффы и питы.

Попадались среди «новых русских» и бандитов, что почти всегда было одним и тем же, и любители собачьей экзотики. Они выписывали из-за границы невиданные не только в Средневолжске, но во всей России породы – бразильских охотников на беглых рабов фила, испанских догов кане корсо, английских бульмастифов, японских акита-ину и даже злобных гуль-донги из Пакистана, нападающих без предупреждения.

Единственное что объединяло всех этих псов – это были

«бойцовские» породы, и по ночам в ангаре обанкроченного Средневолжского Управления Пассажирского Транспорта они выходили на ринг, чтобы доказать, что именно их владелец самый-самый крутой в городе.

Собачьи бои привлекали кучу народу – братков, бизнесменов, их тёлок и прочую шушеру, до тех пор, пока Флинт не завёл себе алабая Стёпу. Безухий и безхвостый кобель с глазами Сильвестра Сталлоне не нуждался в командах – помощник Флинта по кличке Эндитакер управлялся со Стёпой взглядами. Алабай никогда не лаял, не скалился и не умел играть. Противников на ринге он убивал, перекусывая им горло. После пятого смертельного случая собачьи бои в Средневолжске сами собой прекратились – драться со Стёпой было бессмысленно.

Глава вторая

Дёрнув дверь будки, Серый вошёл и привычно скривился от запаха – перегар, нечищенные зубы, пот, носки, гниль. Телевизор показывал рекламу.

– Если вам нужна прохлада,
Свежий воздух круглый год,
Обращайтесь на Московский
Вентиляторный завод! –

задорно распевали девицы в миниюбках.

– Боец! – заорал Афганец, приподнимаясь на локте. – Ты чё, нюх посеял?! Где ходишь, товарищ солдат?!

Серый сразу понял, что Афганец не просто похмелился заначенными с вчера ста граммами, а накатил по полной, что называется, «от души». Это было и хорошо, и плохо.

Хорошо, потому что, значит, был клиент и он дал денег. Плохо – потому, что Серый не успел взять деньги и Афганец уже набухался. И будет бухать дальше. И пропъёт все, если работать медленно.

– Чё за работа? – глядя в телевизор, чтобы не встречаться взглядом с маленькими, слезящимися глазками Афганца, спросил Серый.

– Работа – волк... Стояла – и будет стоять! Сядь! Ты зна-

ешь, товарищ солдат, что меня спасло кольцо? – прохрипел Афганец, выпучив глаза, по жёлтым белкам которых географическим узором расползлись ниточки кровеносных сосудов.

– О, мля, началось, – поморщился Серый. – Опять кольцо...

Афганец, в отличие от многих других ветеранов разнообразных войн, всегда рассказывал свою военную историю одинаково. Тема войны возникала у него на определённой стадии опьянения, а после рассказа всегда следовал один и тот же ритуал – стакан водки залпом и отруб.

В Афганистан он, возрастной уже двадцатичетырёхлетний призывник, попал в год, когда СССР с подачи нового генсека, того самого, с отметиной на плешивом челе, взялся за борьбу с зелёным змием.

В апреле в пакистанском Пешаваре, на базе Бадабер, произошло восстание советских пленных, сумевших разоружить охрану, захватить склад с боеприпасами и отбивать атаки моджахедов до тех пор, пока против них, как против былинного Евпатия Коловрата, не была применена тяжёлая артиллерия. После этого один из самых отмороженных афганских полевых командиров, Гульбеддин Хекматияр, приказал русских в плен не брать.

Провинция Урузган в то время считалась достаточно спокойной. Шурави контролировали основные дороги и крупные населённые пункты. Серьёзных боевых действий не

велось, и вообще руководство ограниченного контингента и правительство Демократической Республики Афганистан постепенно брали курс на национальное примирение.

Афганец попал в роту обеспечения мотострелкового батальона. Повоевать он не успел ни дня – через несколько часов после прибытия в расположение части его, вышедшего к КПП полюбопытствовать на местное население, толпившееся у шлагбаума, ударили сзади по голове. Пока бачата отвлекали караульных у будки, бесчувственное тело перебросили через забор, замотали в ковёр и увезли на ишаке прочь из посёлка.

Очнулся Афганец на цепи. Цепь была одним концом прикреплена к железному ошейнику, а другим – к торчащему из щели между камнями кольцу.

Его похитили не моджахеды, а люди Нангйалай-бобо, седого, высохшего, словно изюм, старика, занимавшегося весьма прибыльным бизнесом – натаской собак. Он готовил и прогонистых афганских борзых, и белуджийских бассаров с квадратными мордами, и туркменских овчарок, всегда атакующих в горло...

– Кольцо! – рычал Афганец и его прокуренные пальцы, похожие на обрезки ржавой арматуры, сжимали и рвали что невидимое. – Кольцо...

Кольцо торчало из щели между камнями. Оно было вбито туда в незапамятные времена и помнило, наверное, ещё караваны Ходжи Насреддина. Тогда «хуторок» Нангйалай-бо-

бо был караван-сараям и к кольцу привязывали верблюдов, ишаков, лошадей, а иногда и рабов, перегоняемых от одного хозяина к другому.

Теперь оно просто торчало между испещрённых ветрами и временем камней, коричневое, изъеденное ржавчиной, ни на что не годное, кроме того, чтобы сквозь него пропустили стальную цепь, прикреплённую к железному ошейнику, охватывающему шею худого, грязного парня из далёкого города Средневожска.

Афганец, отлёживающийся после того, как здоровенный волкодав едва не выдрал ему из бедра кус мяса, обратил на кольцо внимание только потому, что ничего более интересного он со своего пропотевшего и пропитанного кровью воющего тюфяка не видел.

Однажды вечером, когда хозяин, его родня и слуги, помолвившись, отправились ужинать, Афганец с трудом поднялся на одно колено, взялся пальцами за кольцо и попробовал пошатать его – туда-сюда. Вначале у него ничего не вышло, кольцо сидело между камнями, как влитое и само казалось каменным. Тогда Афганец изменил тактику и повис на кольце всем весом, а потом ударил его «пяткой ладони», снизу вверх.

Раз за разом он повторял этот приём – сперва тянул кольцо вниз, потом бил вверх. Весу в Афганце в тот момент было всего ничего, не больше пятидесяти килограмм, но этого хватило, чтобы в один прекрасный день, через неделю после

первой попытки, стронуть кольцо с места.

– Я, падла, раньше бы смог, но днём же нельзя, духи секут. Нанг-бобо этот, сука, каждый день приходил, все высматривал, зажила у меня нога или нет. Я сразу врубился – значит, новую собаку привезут...

Расшатывая, раскачивая кольцо ночь за ночью, Афганец наконец сумел чуть-чуть вытащить его из стены и убедиться, что первоначальный расчёт оказался верен – кольцо было прикреплено к железному штырю.

– Во, с палец толщиной, как пробой у нас под замки делают. Я его ещё дней пять качал... Цепь звенит ещё, падла... А потом собаку привезли. Здоровый, сука, волкодав, глаза красные как у вампира.

В среднеазиатских овчарках за века и века, во время которых выводилась порода и шлифовались её пастушьи и охранные навыки, напрочь атрофировалось умение играть с человеком, выполнять его ненужные, с точки зрения основных обязанностей собаки, приказы. Эти псы не носят апорты и не дают лапу. И задерживать нарушителя, как немецкие овчарки – за руку, они тоже не умеют. Среднеазиат сразу атакует в горло, стремясь перекусить яремную вену или сломать жертве позвонки. Именно поэтому их стараются не привлекать к собачьим боям и не использовать в розыскной и охранной службе, хотя попытки и были, но кровавый след, тянувшийся за каждой собакой, вынудил спецслужбы отказаться от угрюмых лобастых псов.

Нангйалай-бобо решил исправить это недоразумение – собак других пород у моджахедов не было, а четвероногие охранники и охотники на сбежавших рабов требовались все чаще.

Афганец запомнил даже кличку пса, которого натаскивали на то, чтобы он кусал, но не убивал. Его звали Парвиз, это означало «победитель». Мощный, серо-рыжий кобель с сахарно-белыми клыками исподлобья смотрел на обступивших его людей, изредка поглядывая на своего хозяина, увешанного оружием полевого командира с севера страны. Там, в Паджере, этот воин Аллаха по имени Халик ходил под Ахмадом Шахом Масудом, а здесь, в Урузгане, он был сам себе хозяин.

У Халика были густые черные усы и визгливый бабий голос. Он много смеялся, жевал финики, доставая их из шёлкового мешочка, и все поглядывал на пленного шурави, при этом красноречиво сжимая рукоять кривого кинжала в серебряных ножнах.

Нангйалай-бобо посмотрел собаку, провёл рукой по загривку против шерсти – Парвиз оскалился, по-волчьи задирая нос – и покачал в руке свой любимый шомпол от автомата Калашникова.

Подручные старика взяли пса на два кожаных поводка, натянули, потом чуть ослабили. Халик выплюнул финиковую косточку и одними глазами приказал псу взять Афганца. Парвиз ошетинился и прыгнул, как обычно, метя в горло.

Ремни провисли. Афганец вскрикнул, пытаясь закрыть покрытыми шрамами руками. Клыки Парвиза рванули кожу, потекла кровь. Шомпол свистнул в воздухе и вытянул кобеля вдоль хребта.

Ещё в полете пёс развернулся и бросился на Нангйалай-бобо – тысячелетняя гордая кровь среднеазиата выиграла, гены сотен поколений предков толкали его на убийство ничтожного старика с тонким прутиком в немогущей руке, посмеявшегося причинить ему, не зря названному Парвизом, боль. То, что прутик был сделан из упругой уральской стали, сломавшей хребет Третьему рейху, собака, естественно, знать не могла.

Град ударов обрушился на Парвиза. Нангйалай-бобо хорошо знал своё дело – он бил пса так, чтобы тот понял, что совершил ошибку. Кобель вертелся волчком, взбивая пыль, пытался огрызаться, даже – вот уж диковина! – лаять, а в итоге заскулил, но сбежать не сумел – натянутые в струну ремни удержали его на месте.

Собака с надеждой взглянула на хозяина – может быть, он прервёт эту унижительную экзекуцию? Но Халик снова одними глазами приказал псу: «Взять шурави!».

Парвиз опять прыгнул, всё также намереваясь порвать человеку на цепи горло, и вновь засвистел шомпол...

С четвёртого раза среднеазиат понял свою ошибку и схватил Афганца за руку. Хрустнула кость. Афганец закричал. Халик засмеялся.

Ночью Афганец плакал. Рука болела так, словно её положили на чугунную сковородку, полчаса простоявшую на газу. Помимо руки Парвиз разодрал Афганцу плечо, прокусил бедро и едва не выбил челюсть, сильно ударив квадратной головой во время очередного прыжка. Нанг-бобо перевязал Афганцу раны, наложил на руку лубок – две серые дощечки с пятнами засохшей крови. Эта чужая кровь и довела Афганца до слез. Он был не первым на живо-, а точнее, человекодёрне Нангйалай-бобо.

И не последний.

Он ничего не значил ни для кого из этих коричневых от солнца людей, у них был свой мир, своя жизнь, уползавшая одним концом в вековую среднеазиатскую тьму, из которой поблёскивали начищенной бронзой шлемы гетайров Александра Македонского, превратившегося здесь в Искандера Двурогого, и штыки солдат Киплинга, удобривших собой сухую землю на окраинах Кабула. И другой конец бесконечной дороги бытия уходил в такую же тьму, и там тоже не было ничего такого, что могло бы показаться русскому парню интересным или заслуживающим внимание. Все те же глинобитные дувалы, плоские крыши с большими камнями – чтобы ветер не унёс куски кровли, все те же козы; быстрые, как вода горных рек, глаза женщин поверх платков, испещрённые морщинами лица стариков под косо повязанными чалмами, вечные запахи навоза, пыли, пряностей, дыма и бензина, образующие сложный аромат, не имеющий на-

звания, но запоминающийся и легко узнаваемый.

Теперь Афганец знал – так пахнет вечность. И в этой вечности он – всего лишь крохотная точка на огромном листе бумаги, покрытом замысловатыми рисунками; всего лишь песчинка в пустыни, заполненной многометровыми барханами до самого горизонта; всего лишь муха, жужжащая на солнце в облаке таких же, как она, над ямой с нечистотами, куда сваливают падаль и отходы.

Он умрёт. И ничего не изменится. Вопрос лишь в том, когда закончатся его дни – завтра, через неделю или через пятьдесят лет. Афганец понял, что вариант с «завтра» и «через неделю» для него отныне – самые реальные.

На следующий день всё должно было повториться, а потом – ещё и ещё, и так до тех пор, пока рядовой роты обеспечения технического батальона МО СССР Поляков Андрей Евгеньевич не превратится в истекающий кровью кусок мяса, годный лишь на то, чтобы перерезать ему горло и зарыть за кишлаком у мусорной кучи.

– Я плакал, падла! – стонал Афганец, скребя черными ногтями морщинистую шею, словно его до сих пор душил ошейник. – Все, думаю – приплыл, Андрюша... А потом стал кольцо качать. Слезы кончились, понял? Жарко, воды мало дают. Хочу плакать – не могу. Нечем! Сдохнуть хочу – тоже не могу. Повеситься хотел – и то не получилось. Все, не могу умереть. Не могу, падла! Значит, жить надо. И стал качать кольцо. Не знаю, сколько времени было... Но ночь ещё,

солнце не взошло. Цепь я на себя намотал, чтобы не звенела. Пробой, штырь этот, хотел выдернуть, а получилось, что кольцо сломалось. Спасло меня, понял? Хренак – и треснуло, сука. Вот так вот.

Афганец разогнул лопнувшее кольцо, снял цепь, закрепил её свободный конец на себе, чтобы он, не дай Бог, не отмотался и не зазвенел. На цыпочках он выбрался из-под навеса и пересёк двор, где Нангйалай-бобо натаскивал собак.

Ночь была предательской – половинка Луны висела над горами и их вершины льдисто светились во мгле, словно отлитые из серебра. Афганец не знал, куда ему идти. Он не умел ориентироваться по сторонам света без карты. Да и с картой не умел. Из школьного курса географии ему запомнилось только «Африка – материк, напоминающий руку со сжатым кулаком» и «Протяжённость Уральского хребта от Байдарацкой губы до реки Урал составляет около двух тысяч километров».

Поэтому Афганец просто пошёл по улице между домами к дороге, выводящей из кишлака. Он старался держаться в тени и наступал очень аккуратно, чтобы не споткнуться и не упасть. Падение означало звон цепи – и всё: залают собаки, и на плоских крышах домов возникнут серые тени с автоматами. Кишлак Нанг-бобо, как и большинство «независимых» поселений в Афганистане, имел свой отряд самообороны, несущий караульную службу круглые сутки.

Дорога, днём белая от пыли, ночь слабо флуоресциро-

вала, уводя по-над обрывистым склоном вверх, к межгорной седловине. Идти по ней было нельзя – заметят из кишлака. Поэтому Афганец свернул и вдоль скал спустился вниз, к реке. Какое-то время он брёл по тропе, выходящей среди камней вдоль потока, а когда отошёл от кишлака на пару километров, повернул и двинулся через пологий склон невероятно огромной, космической какой-то горы.

– Я всю ночь шёл. Ноги разбил. Там, сука, камни везде. Вообще везде, понял? Солнце встало, прямо в глаза. Я дырку нашёл, камни туда покидал – змей боялся. Залез, уснул. Днём проснулся – жарко, пить охота. Вылез – горы фиолетовые, земля рыжая, камни белые, трава жёлтая. Как картина в музее. И я в картине, сука. Голова кружится, руку дёргает... Встал и пошёл. Чувствую – сдохну сейчас опять. Лёг. Отрубился. Очнулся, когда камни остывать начали. Встал, пошёл. И всё, понял – обратно надо идти. Там хоть воду давали, пожрать. А тут я просто сдохну, и никто не найдёт. И лиса ещё эта...

Он на самом деле решил вернуться в кишлак к Нанг-бобо и клыкастой пасти Парвиза. Его сильно напугала ободранная, пыльная какая-то лиса, а скорее всего шакал, который появился словно бы из дневного зноя и теперь постоянно держался рядом, на небольшом отдалении. Афганец понял – зверь ждёт, когда он умрёт, чтобы поесть.

Наступила вторая ночь в горах. Нужно было идти, идти пока нет страшного дневного жара, пока камни приятно про-

хладные, и от них не пышет, как от мартеновской печи. Но сил у Афганца не осталось. Он вставал, проходил несколько десятков метров, падал, переворачивался на спину и лежал, считая про себя удары пульса – вначале очень быстрые, а потом замедляющиеся почти до полной остановки сердца.

Он не видел ничего вокруг, ни по сторонам, ни сверху, но в какой-то момент вдруг обнаружил, что небо над головой буквально раскрашено звёздами.

– Они там везде, падла! Вот ни сантиметра нет, чтобы звёзд не было, понял? Я даже забыл про себя. Лежу и пялюсь такой, как пацан. Красиво, сука! И полоса через все небо белая. Млечный путь, понял? И тут лиса эта... шакал... она как начала выть. Как по покойнику.

Шакалу, видимо, надоело ждать, когда вкусно пахнущего мясом и страхом человека покинут последние силы. И он решил, что правильнее будет ускорить этот процесс. Но поскольку в одиночку справиться с умирающим могло и не получиться, а голод терзал впавший живот шакала сильнее, чем жадность, он призвал на подмогу сородичей.

Шакалий вой разозлил Афганца. Собрав остатки сил, а скорее всего, просто подстёгиваемый гневом, страхом и болью, он начал бросать в зверя камни, пару раз даже попал – и отогнал шакала, а потом пошёл вниз по склону, выкрикивая ругательства.

– Я, сука, иду и ору: «Вы все пидорасы, чтоб вы сдохли, твари!» И тут рассвет, опять это солнце. А я уже другой че-

ловек стал, понял? Ночью я умер, сука... И теперь мне все пох. Не пашет, не колышит. Вообще!

К десяти утра Афганец добрался до дороги, по которой медленно ползла пропылённая колонна – БТР, десяток бортовых «Уралов», два бензовоза и замыкающей «маталыга», то бишь бронетягач «МТ-ЛБ».

Афганец не удивился и не обрадовался. Он просто пошёл наперерез колонне и остановился только тогда, когда с головного БТР по странному духу, идущему прямо под колеса, начали стрелять на поражение.

– Не попали, суки. Я на дорогу сел, руками машу. А они ссат подойти, показывают – уходи, падла. И я тогда лёг. Прямо посреди дороги. Чтобы не объехали. И тогда они слезли с брони и подошли. Ты кто, спрашивают. А я не могу ответить. Смеюсь только и на цепь показываю. Она размоталась и в пыли лежит, сука. Как змея из железа...

В конечном итоге Афганца подобрали, расковали, дали воды, расспросили и привезли в военный городок рядом с Кундузом, в штаб 149-ого гвардейского мотострелкового полка. Там его данные записали, переодели, помыли, определили в полковой медпункт, и начальник особого отдела отправил запрос по рядовому Андрею Полякову в штаб 40-вой армии.

– Ну и всё, – Афганец скалил в улыбке прокуренные зубы. – Отъелся я, рука подзажила. А потом комиссия. Полкан такой кричит мне: «Чё, сынок, ты снова в строю. Горишь

желанием выполнить интернациональный долг? Мы тебя к званию сержанта представили и медали «ЗБЗ». А я ему, суке усатой: «Да пошёл ты на хер, чма кусок!» Мне ж пох, я ж умер там... В горах. Короче, комиссовали меня в итоге, по дурке. Майор из больницы написал: «органическое повреждение ЦНС». Короче, с башкой что-то типа. Но я думаю, они поняли там, что служить в их этой армии я больше не стану да и всё. И отправили меня домой, падла...

Домой – это означало в Средневожск. Медаль «За боевые заслуги» Афганец все таки получил и оказался первым награждённым на той войне из всех средневожцев. За это его пригласили в горком, пожали руку, предложили работу в райкоме комсомола и выделили однокомнатную квартиру в новом доме на «Тридцатке», то есть на Тридцатом квартале. Это был восемьдесят седьмой год, Серый как раз собирался в армию. Сейчас на дворе был девяносто второй, Афганец разменял четвёртый десяток и выглядел так, словно ему уже было под пятьдесят.

Афганские горы вытянули из его и без того не очень крепкого тела все здоровье, рыжий шакал со впалыми боками выпил душу, а водка довершила разгром, превратив Афганца в ходячего мертвеца. Серый не любил, боялся и ненавидел его, но при этом жалел и считал кем-то вроде дяди или старшего брата, хотя жалеть было не за что, а по факту Афганец приходился ему отчимом.

Пока Афганец ходил в героях, а Серый был в армии, его

мать умудрилась сойтись с «героем Кандагара», выйти за него замуж, пожить год семейной жизнью, со скандалом развестись и уехать к первому мужу, отцу Серого, на Кубань.

Серый мать не осуждал. С отцом они расстались лет семь как, а афганская тема с середины восьмидесятых была у всех на слуху. По телевизору показывали как Кобзон и Розенбаум поют перед запылёнными парнями в шляпах, стоя на броне БМП, а в журнале «Парус» печатали стихи солдата, взорвавшего себя вместе с окружившими его душманами:

Ближе и ближе чужие халаты.
Все позабудь, мои письма порви,
Как я себя порываю гранатой
В память моей неизвестной любви...³

По курилкам и прокуренным кухням ходили слухи о цинковых гробах с убитыми, в которых какие-то офицеры тайно переправляют из Афгана оружие «чтобы сделать в СССР переворот и остановить войну». Ещё рассказывали о гашише, о пленных, которым агенты ЦРУ предлагают дом в Америке, машину «Кадиллак» и миллион долларов, если они откажутся от советского гражданства, и о том, что скоро в Афганистан будут посылать только русских, потому что туркмены и узбеки там сразу дезертируют и переходят на сторону «духов».

³ Стихи В. Верстакова.

Школьники тоже не остались в стороне – Серый сам рассказывал одноклассникам байки про афганских дембелей, которые при звуке отбойного молотка залегли на газоне, посчитав, что начался обстрел и показывал друзьям «афганский пальчик».

Это делалось так: вырезаешь лезвием бритвенным в спичечном коробке снизу овальную дырку, и в поддончике для спичек тоже, только там круглую. Спички убираешь, кладёшь туда ватку, просовываешь палец, которым сейчас фак показывают, внутрь и делаешь так, чтобы казалось, что он там отдельно лежит. Йодом ещё хорошо немного помазать и накапать – по типу это запёкшаяся кровь. Засовываешь руку, у которой палец в коробке, в карман и идёшь в школу. Подходишь такой к кому-нибудь и говоришь: «Брат из Афгана душманский палец прислал. Снайперский! Сам отрезал. Трофей!» Ну, тебе в ответ, конечно же, говорят: «Да фигня это, кто станет палец присылать?» И тогда ты такой с серьёзным лицом достаёшь из кармана коробок с просунутым пальцем, а со стороны кажется, что ты его всеми пальцами держишь. И вот ты открываешь коробок, а там... там настоящий палец. Его ещё испачкать в пыли можно перед показом, для достоверности. И у того, кому ты это всё показываешь, реально округляются глаза и голос понижается до хриплого шепотка: «Ни хрена себе!» А ты ещё для правдоподобия наклоняешься к коробку, принимаешься: «Вроде не воняет пока... Я его в холодильнике храню, в морозилке» И вокруг

собираются люди, девчонки кривятся: «Ой, фу...», а сами лезут с круглыми глазами в первые ряды – интересно же! И начинаются вопросы: «А брат где служит? А кем? А как там вообще?» И вот тут важно не перегнуть, не переусердствовать. Потому что, во-первых, на полном серьёзе уже неинтересно становится, а во-вторых, обязательно найдётся какой-нибудь дундук, который вспомнит, что никакого брата у тебя нет. Поэтому после вопроса, где служит брат, нужно небрежно ответить: «В Джелалабаде, в ДШБ», и пошевелить пальцем в коробке. И заорать: «А-а-а, он ожил!»

Серый слышал, что в «Г» классе один пацан обоссался, когда Матвеев им «афганский пальчик» показывал, а девчонку какую-то на «Скорой» увезли – у неё сердце слабое оказалось.

Вот на фоне всего этого «афганского синдрома» мать Серого и вышла замуж за «героя Урузгана». А когда поняла, какую совершила ошибку, в отчаянии написала бывшему мужу. Отец Серого не стал поминать прошлое – он всегда любил её и жил бобылём в небольшом городке на Краснодарщине. Мать уехала к отцу, о чем сообщила Серому в письме.

Когда Серый собрался на дембель, «Союз нерушимый республик свободных» внезапно треснул по швам, как старая подушка, которую вынесли во двор просушить на солнце. Треснул – а потом лопнул, запорошив все вокруг свалявшимся пером и жёлтым от времени пухом.

Серый вернулся домой и обнаружил, что мир изменился,

причём так, как это бывает только во сне. Наступил капитализм, и все стали говорить о деньгах.

И только о деньгах.

Возможно, когда они были детьми, маленькими мальчиками в шортиках поверх колготок, и ходили в детский сад, каждый из них – и их ровесников – мечтал совсем о другом. Они хотели стать космонавтами или даже капитанами межзвёздных кораблей, они мечтали покорять моря и океаны, зимовать на полярных станциях, опускаться в таинственные глубины пещер, находить месторождения полезных ископаемых, или защищать свою Родину в самой непобедимой и легендарной Советской армии.

Но вот все закончилось. Внезапно, по щелчку. И предоставленные сами себе, как сорняки на заброшенном огороде, люди начали жить. Жить так, как могли и умели. И виноваты ли сорняки в том, что они в итоге захватили весь огород? «Может, и виноваты, – размышлял Серый. – Но тогда виновата и вода, затапливающая город, а не тот, кто допустил прорыва дамбы».

Квартира, в которой он вырос, ушла на обмен и там жили другие люди, а его самого мать перед отъездом временно прописала в однушку Афганца. Это было странно, страшно и как-то нелепо – узнать, что твоя квартира занята, и жить тебе придётся теперь с вечно бухим, нищим, косорылым от паленой водки, психованным и хватающимся за нож человеком, о котором ты до этого ничего не знал.

– Так чё за работа? – повторил Серый, в упор глядя на Афганца. Тот пьяно засмеялся, но тут же стал серьёзным. Поскребя короткими пальцами с жёлтыми плитками ногтей ржавую щетину на подбородке, Афганец кивнул на застеленную клеёнкой тумбочку у окна.

– Вон, наряд.

Серый взял помятый лист бумаги, на котором косо были указаны параметры будущей могилы и место.

– Ни хрена себе, – невольно вырвалось у Серого, когда он дочитал наряд до конца. Клиент почему-то хотел не просто ямку, чтобы упокоить там свою чи-хуа-хуа, а полноценную могилу, словно он собирался хоронить человека.

– А-атставить! – заорал Афганец. – Кругом... Шагом марш выполнять задание партии и правительства! Интернациональный долг превыше всего!

– Сколько? – хмуро спросил Серый, возвращая наряд на место.

– Две тыщи! Понял?

– Мало, – привычно сказал Серый, хотя цена была хороша. – Работы дофига.

– А-а-тставить! – Афганец сел, нашаривая ногами калоши. – Ты чё, боец, припух? Хочешь грести деньги лопатой – бросай лопату, понял? Бего-ом! Бегом, я сказал!

Серый повернулся и вышел. Он знал – ругаться, доказывать, спорить, торговаться бесполезно.

* * *

– Земля – она разная. Не просто грунт, порода, четыре кубометра – и все. Нет, молодые люди, все гораздо сложнее. Земля – это плоть Земли, если можно так выразиться, простите за тавтологию. Кожа, мышцы, сухожилия, жилы всевозможные, вены. Кости, кровь, лимфа, внутренние органы – все тут есть. Поэтому настоящий копарь – он вроде патологоанатома. Вскрывает, препарирует, извлекает... Да, ребяташки, да. И земля требует уважения как покойник. Любовь к отеческим гробам – это наше всё. Потому, когда на копку идёшь, и инструмент в порядке должен быть, и голова, и мозги в ней. Ну, и работать нужно культурно, без надрыва. На два штыка втыкать – это не наш метод. «Лучше меньше, да лучше», – кто сказал? Не знаете? Эх, ребяташки, что ж вы такие... ничего-то вы не знаете, ничего не...

Челло глубоко затаился, задержал в себе колючий сизый дым, блаженно закрыл глаза, но тут же заперхал, выталкивая из синюшного кольца губ мутные дымные кляксы. Курил он обычно дерьмовые сигареты без фильтра, но делал это так, как будто у него в дрожащих пальцах был косяк с «рабочей» травой.

Челло, как он сам про себя рассказывал – из олдовых хи-

парей крутого питерского замеса. Ходил когда-то на рыбацком сейнере, отстал по-пьяни в голландском порту от своей посуды, забичевал и всю Европу «стопом» проехал, чтобы вернуться в Союз. У Челло жёлтые глаза, а в ксивнике на шее хранятся шесть человеческих зубов и высушенный человеческий же палец. Челло говорит, что это его. Зубы ему выбили немецкие полицейские в Нюрнберге – «мстили за Сталинград», а палец откусил сумасшедший приходяга на хипповской «блат-хате» в Челябине.

– *Omnia mea mecum porto*⁴, – заканчивая рассказ о себе, неизменно смеётся пустым ртом Челло, машет четырехпалой рукой и, завывая, плюётся словами:

– Все своё ношу с собой: этажи в пружинных сетках,
Вечное отчаянье, ежедневное житье.
Только тень в стране теней все яснее и плотней,
И сгущается над нею прежний иней новых дней⁵.

Челло он не потому что «чел», ну, «человек», а потому что у него на шее под серой бородой татуировка «chello». Челло говорит, что по-испански это означает «белокурый». При этом оттенок вечно всклокоченных волос и бороды Челло вовсе не блондинистый. Он ближе всего к цвету мартовского оттепельного снега.

⁴ Все свое ношу с собой (лат.)

⁵ Наталья Горбаневская, из цикла «Долгое прощание», 1975 г.

Челло любит латинские выражения, которых знает бесчисленное количество, он не дурак выпить, потрендеть, но вообще странный и Серому иногда кажется, что Челло все время играет роль, как в кино.

...Поднялся ветер. Зашелестели остатками листвы деревья за линией ЛЭП, потом к их шуму присоединилось басовитое гудение проводов. Распятые скелеты гигантских боевых человекоподобных роботов держали в обрубленных руках гирлянды изоляторов и потряхивали ими, как цыганки – монисто.

Серый вышел из будки, увидел друзей. Малой заметил его первым, улыбнулся.

– О, наш шеф, – сообщил он остальным. – Пахать будем.

Челло медленно и обстоятельно затушил сигарету черными пальцами, спрятал чинарик за отворот выцветшего джинсового кепи.

– У забора, – сказал Серый, подойдя ближе. – Большая, два на два. К вечеру надо сделать. Афганец платит по пятихатке.

– У, круто! – восторженно воскликнул Малой, поднимаясь. На его серых штанах виднелись жирные пятна, похожие на камуфляжные – вчера Малой сел на недоеденный Серым хлеб, политый подсолнечным маслом, за что получил по толстой красной шее. – А чё за собака? Чья?

– Не знаю, – Серый пожал плечами. – Да и какая на хрен разница? Пошли.

– «Нет стариннее дворян, чем садовники, землекопы и могильщики; они продолжают ремесло Адама»⁶, – сказал Челло, медленно, в несколько приёмов, выпрямляя длинное туловище.

– А он был дворянин? – удивился Малой.

Челло довольно захихикал, затряс похожей на стекловату бородой и ответил непонятно:

– Он первый из всех ходил вооружённый.

Третий приятель Серого, Индус, монументально повернул голову и его тяжёлый взгляд упёрся в Челло. Несколько мгновений Индус размышлял, стоит ли, потом все же вступил в разговор.

– Ну-у... у него не было оружия, – прогудел он.

Челло откровенно обрадовался, едва не подпрыгнул. Начинался спектакль. Серый скривился. Челло вкрадчиво спросил у Индуса:

– «Да ты кто? Язычник, что ли? Как ты понимаешь писание? В писании сказано: «Адам копал»; как бы он копал, ничем для этого не вооружась»?⁷

Индус засопел. Он уже понял, что Челло опять его развёл со своими цитатами из никому, в чем Индус был уверен, неизвестных книг, но, как обычно, не понял, в чем прикол. В другой раз тяжёлый, словно бы покрытый коркой глины, кулак Индуса уже врезался бы в бороду Челло, но сегодня

⁶ Шекспир, «Гамлет».

⁷ Шекспир, «Гамлет».

Индус маялся с тяжкого похмелья и ему было банально лень «ставить этого чмыря на место».

– Козел! – бросил Индус.

Челло досадливо крикнул и тоскливо пробормотал, ловя «волну»:

– «Не ломай себе над этим мозги, дружок; потому что глупый осел от колотушек скорее не пойдёт, а ежели тебе в другой раз зададут такой вопрос, скажи: «могильщик»; дома, которые он строит, простоят до судного дня. Вот что, сходи-ка к Иогену, принеси мне скляницу водки...⁸»

– А в ладошки тебе не посерить? – мрачно поинтересовался Индус. – Водки ему... В рог ща дам – и забалдеешь, чмо.

– Хорош, – остановил его Серый. Он не любил, когда Индус начинал «быковать». – Работать надо.

Серый работал на Ёриках не потому, что так надо или что он надеялся заработать тут много денег. Много заработать нельзя, это все знают, много можно только «сделать» или «хапнуть». Но как-то надо жить, чем-то заниматься. И потом – Клюква.

Девушка Серого, которая живёт на «Двенашке» с сыном Флинта.

Девушка – это деньги. Много. В Средневожске, чтобы иметь девушку, нужно тысячу каждый день. Или две. А для такой, как Надюха-Клюква – и пяти будет мало. Правда, чтобы заработать пять тысяч в день, нужно выкопать десять та-

⁸ Шекспир, «Гамлет».

ких могил, как предстоит сегодня.

А это невозможно...

* * *

Индуc, самый здоровый из землекопов, выкидывал мокрую глину из могилы; Малой и Серый, отработав своё, сидели на сложенных крест-накрест лопатах и курили одну сигарету на двоих. Серый прятал сигарету в кулак, выпуская дым. Челло маячил в стороне, глядя в небо. Он называл это «пятиминуткой медитации».

– Все, хорош, давай! – Малой протянул руку за сигаретой.

– Ещё две затяжки, – не поворачиваясь, уверенно сказал Серый.

Он затаился, выпустил длинную струю желтоватого дыма, тут же пронзённую сотней мелких дождевых капель, и закашлялся. Малой покосился на бетонный обелиск с грубо выбитыми словами: «Амур, овчарка. Спи, верный друг», поёжился.

– А у зверей привидения бывают?

Серый сплюнул, пожал плечами.

– Ну... наверное.

– Как повылазят из могил в полнолуние да как зачнут кровь пить – у-у-у... – загудел над ухом Малого Челло.

Пятиминутка закончилась, и ему требовалось общение. Малой улыбнулся во все свои тридцать один, кивнул на Се-

рого.

– У кого? У бати его?

Серый снова сплюнул.

– Он мне не батя. И крови у него нету, там один спирт!

Малой засмеялся.

– «Кентервильский призрак до смерти боялся привидений», – процитировал одному ему известный источник Челло.

Индус воткнул лопату в дно могилы, сердито посмотрел на них.

– Э, уроды, вы запарили косить. Всё, я своё отпахал. Малой, дай руку!

Малой нехотя поднялся, подошёл к краю могилы, протянул Индусу руку, но тот не успел за неё схватиться. На дороге у забора остановился заляпанный дорожной грязью джип, чёрный и блестящий. Медленно, с тихим гудением, опустились тонированные стекла на передней и задней дверцах.

Серый судорожно сглотнул. Он узнал машину, а внутри увидел Светку Поляну, рыжую Ирку с Дзержинского, почему-то завернувшуюся в жёлтое махровое полотенце, Лёньку в вязаной шапочке и... и Клюкву.

Его Надю.

За рулём небрежно развалился сын Флинта – Игорь, всему городу известный как Сын. Или Сынуля. Ровесник Серого.

Девки посмеивались, глотали джин-тоник из зелёных банок, Ирка курила коричневую сигаретку «Море», тонкую и

длинную, все время смеялась и кашляла. Дым она выпускала тонкой струйкой, похожей на мохеровую нитку.

– Привет, пацаны! – улыбаясь, сказал Поляна.

Малой вскочил, словно щенок, которого позвали гулять.

– Привет, девчонки! Айдайте с нами тусоваться.

Поляна захихикала.

– А у вас грязь лечебная? Мне кожу отбелить надо.

Малой уверенно кивнул.

– На самом деле лечебная. Иди сюда, я тебя отбелю. Всю!

Поляна отрицательно помотала гривастой головой.

– У меня туфли новые, не пройду.

Она на мгновение исчезла из окна джипа, и тут же оттуда появилась голая нога в красной туфле. Ирка за спиной Поляны фыркнула, едва не выронив сигарету, захохотала.

Серый смотрел на Клюкву, маячившую в соседнем окне. Она улыбнулась, что-то сказала Сынуле, тот снисходительно усмехнулся.

Поляна продолжала веселиться.

– Видал? Давай, я пойду к тебе... если куртку постелешь.

Малой тут же стушевался.

– Не, у меня куртка на самом деле новая...

Сынуля решил, что пора завязывать с этим «аншлагом». Он перегнулся через Клюкву и крикнул:

– Э, ёрики! Чтоб яма как у людей была, на два с половиной метра! Стёпа у нас мальчик крупный был, сто сэмэ в холке. Поняли-нет? Батёк сказал: «Лично проверю».

Серый тихо пробормотал:

– Да пошли вы оба... проверяльщики.

Он поднялся, рукавом стер с лица дождевую воду, сделал несколько шагов по жирной, скользкой глине к забору и сказал, стараясь не смотреть в красное, лоснящееся лицо Сыну-ли, торчащее сбоку от Клюквы.

– Надя. Можно тебя на два слова?

Клюква мельком, как-то очень быстро, мазнула взглядом по лицу Серого, нарочито громко засмеялась.

– Не, сыро. Так говори. У меня от подруг секретов нет.

Серый почувствовал, как каменеет лицо, сжал кулаки.

– На ярмарку в воскресенье пойдёшь?

– Не-а, – все также глядя в сторону, покачала головой Клюква.

У неё был яркий макияж, длинные серьги-подвески в ушах, и они плясали, словно живые, в такт движениям головы.

– А чё? – проклиная себя за косноязычие и непонятную злость, которая только мешала, спросил Серый.

– Не чё, а что. Я днём не могу, занята.

– Чем? – Серый задал этот вопрос машинально и тут же проклял себя за него. Не надо было. Не надо...

Клюква перестала смеяться, в упор посмотрела на Серого, прямо ему в глаза.

– В гостях буду. Видик смотреть. Новые кассеты привезли из Москвы. «Эммануэль». «Греческая смоковница». Тинто

Брасс. Хочешь, дам?

Девки засмеялись. Серый не знал, кто такой Тинто Брасс и стушевался, отвёл взгляд. Сынуля бесцеремонно перегнулся через Клюкву, прижав её к сиденью, и рявкнул:

– Заценишь. Заодно подроочишь перед сном.

Девки в джипе зашлись от хохота. Сынуля с довольным видом уселся на своё место, выжал педаль, и машина, разбрызгивая грязь, уехала вниз, в сторону трассы.

Дождь перестал моросить. Теперь он падал отвесно, холодный, мелкий, но частый, и ощущался кожей как тактильные стробоскопические вспышки.

Малой проводил джип долгим взглядом.

– Чёткая тачка, – сказал он и посмотрел в сторону могилы. – А Стёпа зверь был. Сынуля его гулять пускал на коробке. Он тогда у Боряна с Карла Маркса полжопы откусил. Собака Баскервилей такая, блин. Жалко, помер. Говорят, чумка.

– Ага, от Боряна заразился. Руку-то дай, Баскервиль! – напомнил о себе Индус. – Все уже, склеил Стёпа ласты, капец ему. Давай, вытягивай!

Малой протянул руку Индусу, но тут в его мокрой лохматой голове возникла новая мысль и он повернулся к Серому.

– Серый, а ты курить-то мне оставил?

Серый не ответил, глядя в хмарную даль за линией ЛЭП. Сигарету он давно докурил до фильтра, выкинул и забыл о ней.

Малой от досады дёрнул руку, Индус, почувствовав, что его ладонь выскальзывает, перехватился повыше. Малой, потеряв устойчивость, тонко, по-заячьи, вскрикнул и полетел на Индуса.

Оба свалились в могилу, в раскисшую глину, и завозились там, глухо матерясь и вскрикивая.

Индус первым встал на ноги. Одним движением, теперь уже не боясь испачкаться, он выбросил своё сильное тело наверх, повернулся и с силой пнул поднявшегося на ноги Малого в лицо.

– Козел, мля! «Пирамиды» новые, мать вчера принесла!

Малой, молча зажав лицо, скорчился на дне могилы. Через его мокрые, грязные пальцы начала сочиться кровь, несколько капель упало прямо в глину.

– Угрёбок! – заорал Индус, распаляясь. – Убью, тварь!

Его останавливало только то, что убивать Малого нужно было в могиле, а лезть обратно в грязь Индусу не хотелось – он и так весь уханькался по самые гланды.

– Я не спецом! Э, не бей! Ты чё... – заканючил Малой, благоразумно вжимаясь в скользкую земляную стенку.

Индус с досады пнул лопаты, посмотрел на Серого.

– Серый, слышь? Все, мля. Я ухожу, понял?

Серый отвёл взгляд от мглистого горизонта.

– Куда ты уходишь? А работать кто будет? Не, ну, а чё? Там ещё метр копать.

Индус махнул рукой.

– Меня не пашет!

– Афганец за полработы не заплатит, – это был последний аргумент Серого.

– Да мне пох, на, понял? – заорал Индус. – С тебя пятихатка. Всё, я ушёл.

Обойдя кучу выброшенной из могилы земли и постоянно поскальзываясь, Индус двинулся к воротам.

– Ну и вали! – крикнул ему в измазанную глиной спину Серый. – Олимпийку ему стало жалко... Маменькин сынок!

Индус резко развернулся и молча двинулся на Серого, растопырив руки.

– Не, ну всё, всё! Я это... не хотел... – дал заднюю Серый.

Индус также молча развернулся и вскоре скрылся за будкой Афганца.

– *Sic transit gloria mundi*⁹, – негромко сказал Челло.

– Ты хоть завали, – окрысился на него Серый и повернулся к могиле. – Малой, ты чё там, жить остался?

Малой выпрямился. Теперь он торчал из могилы по грудь, мокрое лицо его было измазано глиной, из разбитой губы шла кровь.

– Зу-уб тут! Индус мне зуб выбил, сука... – простонал Малой. – Второй уже... – он наклонился. – Сейчас найду...

– На хрена тебе выбитый зуб? – пожал плечами Серый.

Малой, размазывая кровь и грязь по лицу, ответил не сразу:

⁹ Так проходит мирская слава (лат.)

– Вставляю-ю... Серый, ты курить оставил?

– Дорогом – пачку дам, – рявкнул Серый. – Копай давай!

– Да-а... Ладно, – Малой взял лопату Индуса, оглядел себя, всхлипнул. – Лучше бы я куртку Поляне постелил...

Он начал копать. Слишком засадив лопату в землю, навалился на неё всем весом и легко, как спичку, сломал черенок.

– Блин, всё!

– Вот ты и правда урод, – серьёзно сказал Серый, сунув руки в карманы.

И тут Малого прорвало.

– Сам ты урод! Заманал! Тебе надо – ты и копай!

Малой нелепо, враскоряку, выбрался из могилы, весь обляпанный глиной.

– Голем, – сказал Челло. – Из глины мы вышли и в глину уйдём.

– Заткнись, – посоветовал ему Серый, поднимая лопату.

Малой подошёл к залитому дождём окну будки, заглянул внутрь. Телевизор у Афганца был включён на полную громкость. Шла передача «Это было, было, было...» и какая-то молодёжь бодро исполняла «Мой адрес Советский Союз». Малой толкнул форточку – музыка стала оглушительно громкой – и заорал, стараясь перекрыть телевизор.

– Афганец! Э, мы полмогилы откопали, заплати нам!

Афганец резко вскочил, бросился к окну, выставил красную морду так, что Малой отшатнулся в испуге.

– А ты видал «крокодил», который заходит на штурмов-

ку? – оскалившись, как пёс, закричал Афганец. – Он НУРа-ми отработывает, а потом винтами дым от них начинает месить – шух-шух-шух! Красиво! Кайф!

Афганец захохотал, цепляясь за шкаф, чтобы не упасть. Малой попятился от окна, потом повернулся и побежал. Над кладбищем гремел «Мой адрес Советский Союз».

Челло подошёл к Серому, тронул его за рукав.

– Я свою работу сделал, – сказал Челло. – Прошу пардону, но у меня в восемнадцать ноль-ноль вечернее randevu на бульваре Звёзд. Так что я откланиваюсь.

И Челло пошёл прочь от могилы.

– Ну и вали! Все валите! Дристуны, – Серый воткнул лопату и огляделся.

Дождь и не думал заканчиваться. Серый остался один.

Один на один с могилой. Один на один с дождём.

* * *

Малой старше Серого на полгода и выше на четырнадцать сантиметров. И здоровее, у него кулак не меньше Индусовского. Но все равно он – Малой. Так по жизни получилось. То ли папа с мамой не достарались, то ли от бабушек-дедушек гены перешли такие, но Малой как бы застрял в детстве. Не в том, где куличики лепят и сопли вытирать не умеют, и не в том, где зимой, в мороз, спорят, что лизнут качелину, а в том, где на стене дома девочки, которая нравится, пишут

тайком: «Смирнова шлюха!»

Челло как-то рассказал хохму: «Мальчик бежал по улице, и задыхаясь от восторга, вопил: «А король-то голый!» Люди смеялись, показывали пальцами, сочувственно качали головами, и мальчик был уверен – ещё чуть-чуть, и он станет героем, низвергателем и победителем. Мальчик не знал, что на языке этой страны фраза «А король-то голый!» звучит как: «Люди, я обосрался!» Все тогда посмеялись, а Малой – нет. Он задумчиво смотрел в сторону, и Серый вдруг понял, что история Челло – про Малого.

Серый в глубине души жалел его, как младшего брата. И всегда заступался, если кто-то пытался Малого обидеть, а обижали часто. В школе, классах в седьмом-восьмом, дня не проходило, чтобы кто-то не разыгрывал его, не предлагал заведомо проигрышное пари, да просто не вешал на спину Малому лист бумаги с текстом типа: «У кого нет коня, все садитесь на меня или пните меня. Ишак»

Однажды Индус и ещё пара человек, Серый уже и не помнил, кто это был конкретно, на физкультуре в раздевалке предложили Малому сыграть в «найди яйцо». Хохма эта была старая, наверное, её использовали ещё в гимназиях Древней Греции, но Малой конечно же повёлся. Серый влез, попытался его отговорить, но в этом и была беда Малого – если он заинтересовывался чем-то, заводился, останавливать его было бесполезно.

Дальше всё произошло как по нотам: Индус отвернулся,

кто-то из одноклассников подсказал Малому спрятать яйцо на голове под вязаной шапочкой – «он там ни в жись не найдёт» – остальные затаили дыхание в предвкушении хохмы.

Индус по команде: «Можно!» повернулся, для проформы сунулся Малому в карманы, в портфель – и с силой хлопнул его ладонью по голове. Яйцо с противным треском лопнуло, желток потёк из-под шапочки на лицо Малому. Серому тогда почему-то подумалось, что это похоже на мозги.

Все, естественно, заржали. Малой часто-часто заморгал и вдруг сильно ударил Индуса в лицо. По комплекции и габаритам они были тогда уже вровень и Индус отлетел к шкафчикам, упал, но тут же вскочил и кинулся на Малого. Разнять их никто не успел, да и не пытался.

Толкового махача не получилось – опытный и злой Индус в три удара заставил Малого скрючиться на полу и уже собрался добить ногами, но тут вмешался Серый. Отгрёб он тогда знатно, но и Индусу досталось прилично. А потом, после уроков, на хоккейной коробке за школой, когда Серый курил перед тем, как идти домой и прикидывал как оправдываться перед матерью за синяки и разбитую губу, неожиданно появился Индус. У него под глазом тоже налился баклажанной синевой приличный фингал, а нос распух как груша.

– Чё, курить есть? – как бы с вызовом крикнул Индус через борт коробки.

– Ну, есть, – как бы нехотя отозвался Серый.

Зажать сигарету даже для злейшего врага в Средневолж-

ске в то время было страшное запахло.

И даже страшнее запахло.

Индус перелез через забор, подошёл к ржавым хоккейным воротам, на которых расположился Серый, повесил свою сумку с надписью «Ottavan» рядом с сумкой Серого, взял протянутую пачку «Тушки». Так было положено по-пацански – давать всю пачку, мол, возьми, сколько надо.

Потому что настоящий пацан лишнего не возьмёт никогда.

Сунув сигарету в уголок рта, Индус чиркнул зажигалкой – раз, другой. Огня не было – то ли газ закончился, то ли кремь стёрся. Серый галантно предложил Индусу свою, но и она не зажглась.

И в этот момент над бортом коробки появилась голова Малого.

– Пацаны! – закричал он, улыбаясь толстыми как оладьи, разбитыми губами. – У меня спички есть!

Так и сложилась, совершенно нечаянно, их дружба.

Глава третья

Серый постоял у края могилы, тоскливо посмотрел вниз, на сломанную Малым лопату. Потом взял свою, стёр рукой воду с черенка, спрыгнул вниз, выкинул обломки и начал копать, бормоча себе под нос:

– Если Флинт деньги Афганцу отдаст, то пиздык котенку...

Некоторое время слышалось лишь методичное шуршание лопаты и шелест дождя. Вязкая глина поддавалось плохо, Серый начал тяжело дышать через нос, но надолго его не хватило и пришлось открыть рот. Он терпеть не мог так делать – на лыжах зимой или вот во время работы дышать открытым ртом как рыба. Серому казалось, что так он похож на дебила, на дауна какого-то.

А ещё он устал. Усталость породила злость. Злость пробудила ненависть – к этой грёбаной глине, к этому грёбаному дождю, к грёбаному Афганцу, к грёбаному Флинту и его грёбаному Сынуле.

К грёбаной жизни, наконец.

А больше всего Серый ненавидел себя. За то, что он – вот такой. За то, что у него нет денег. И нет никакой возможности их достать. И не будет.

Никогда.

И поэтому Клюква... Надя... Наденька... Она...

Серый стиснул зубы, всадил лопату в землю, и сперва тихо, а потом все громче и громче начал подпевать песне, доносящейся из будки.

– Торопится сердце, сердце волнуется... Почтовый... пакуется груз. Мой адрес... не дом и не улица. Мой адрес... Советский Союз!

Постепенно песня превратилась в какие-то отрывистые выкрики:

– Мой! Адрес! Не дом! И не улица! Мой! Адрес! Советский! Союз!

Комья глины вылетали из могилы и смачно чавкая, падали в лужи. Серый копал и копал. Песня закончилась, но он продолжал на каждом выдохе хрипеть:

– Мой! Адрес! Советский! Союз!

Ненависть, злость, вообще эмоции – все постепенно ушло. Серый копал как автомат, как робот. Осталась только усталость – и ритм.

– Мой! – лопата входит в землю.

– Адрес! – нога упирается в тусклое железо, вгоняя штык лопаты поглубже.

– Советский! – тут слово длинное, поэтому Серый успевал навалиться на черенок, выковырять очередной ком глины, приподнять его на лопате и...

– Союз! – выкинуть из могилы.

И так раз за разом.

– Мой! – Серый с силой воткнул лопату, раздался резкий

удар и металлический звон. Дождь завис в воздухе, капли были, как осколки стекла; удар отозвался во всем теле, руки прошло разрядом тока, кисти мгновенно онемели.

– Уй! А-а-а... Чё за...? – жмурясь от боли, выкрикнул Серый, и выронил лопату.

На мгновение захотелось заплакать как в детстве – от внезапной обиды и невозможности врезать кому-то виноватому, которого не было.

...Вообще земля на Ёриках была хорошая. Мягкая. Челло называл её «простокваша». Ни крупных камней, ни корней деревьев, ни пластов гравия. Темно-коричневая глина, поверху переслоённая чернозёмом. Единственная проблема – тяжёлая даже в сухие недели, когда не идёт дождь. Одно дело кидать песочек и совсем другое – поднимать на лопате кусок глины с ровными, почти геометрически правильными краями. Но если в руках есть сила, то копать такой грунт одно удовольствие. Индус, например, вообще не парился – работал как экскаватор, в основном руками. «Я бицухи качаю», – говорил.

Челло – худой, тощий, жилистый, действовал иначе: на прямых руках-палках поднимал лопату с грунтом и изгибаясь спиной, словно древняя катапульта, выбрасывал его из могилы.

А Малому было лень напрягать руки, лень придумывать какой-то свой метод и он банально ковырял глину, делая лишние движения, чтобы разбить выкопанный кусок и вы-

бросить его по частям. От этого Малой уставал быстрее, чем все остальные, и получал по ушам от Индуса – «за тупизм».

И не было для них, копарей, хуже ситуации, чем случайно попавшийся в грунте камень. Как правило, на могилу их находилась парочка, не больше, но вот это вот ощущение резкой боли в руках, когда лопата, со всей дури всаженная в землю, внезапно останавливается, наткнувшись на кусок песка, невесть как оказавшийся в пласте глины – это напоминало именно детское ощущение несправедливой обиды, когда тебе во время футбольного матча «двор на двор», во время атаки на пустые ворота, дали подножку.

Только врезать по роже было некому – камню пофигу, он лежит себе и лежит. Камень родился в слое осадочных пород на дне древнего Уральского океана в геологическую эпоху под названием карбон, от которой на Земле остались только глубоко захороненные в земле пласты каменного угля. Он пережил динозавров, мамонтов и древних людей с их дубинами и шкурами – что ему до какого-то Сергея Сергушёва? Да наплевать ему. Он ещё столько же и столько же переживёт – камень не умеет думать, любить, злиться. Он вообще ничего не умеет – в этом его сила.

– Сука, – сказал Серый камню.

Он его ещё не видел, но уже знал, как тот выглядит – влажный, облепленный чешуйками глины плоский обломок величиной с пару ладоней и толщиной в четыре или пять пальцев. Обычно все найденные на Ёриках камни напоминали

куски пирога, неровно отрезанные пьяной хозяйкой для не особенно-то и званых гостей.

Боль в руках постепенно утихла. Серый подобрал лопату, рукавом стер с лица дождевую воду. Сейчас он выкопает камень, выбросит его из могилы к забору, потом нужно будет снять слой на штык, подчистить дно подборкой – и всё, шабаш. Что означало это странное слово, Серый не знал, но про себя всегда именно так обозначал конец работы.

Шабаш – да и всё.

Поковыряв лопатой глину с полминуты, Серый матернулся, как взрослый мужик – безнадёжно и с чувством. Камень оказался не просто большим – он был здоровенным. Куда бы Серый не погрузил лопату – левее, правее, везде на глубине почти в штык она натыкалась на преграду. Только у самого края ямы глина была мягкой, и не раздавался противный, скрежещающий звук, сопровождаемый непонятным звоном.

Звон этот взбудоражил Серого, словно стакан водки. Обычно, когда лопата ударяла в камень, звук был другой – глухой и как бы трескучий от того, что металл скалывал кусочки песчаника. Сейчас все происходило иначе – это был звук металла о металл.

Подкопав край непонятного камня, Серый выяснил, что он полукруглый и занимает почти всю могилу. Воткнув лопату, Серый полез за сигаретами и заметил, что у него дрожат руки.

– Это не камень, – осмелился произнести он то, что по-

нял намного раньше, и закурил, пряча сигарету от дождя в кулаке.

А если не камень, то что? Судя по полукруглому краю и металлическому звону – крышка. Люка, например. Или бочки. Или... сундука?

Память тут же выдала ряд знакомых с детства названий: «Золотой жук», «Остров сокровищ», «Сердца трёх», «Копи царя Соломона», «Приключения Тома Сойера», «Бенита»...

– А чё, – вслух продолжил рассуждать Серый, глубоко затягиваясь и сплёвывая прямо на дно могилы. – Ну, могли же тут какие-нибудь разбойники... или монголы... купцы там всякие... или белогвардейцы.

Он осёкся, вдруг сообразив, что это нелепо – какие на хрен белогвардейцы, когда тут, на месте садового товарищества, ещё лет двадцать назад был просто склон степного холма. Ни дорог, ни построек. Хотя – а почему бы и нет? Самое место для клада – вдали от чужих глаз, от людей.

– Ага, – опять вслух произнёс Серый и выкинул окурок. – И вот он тут лежал, меня дожидался.

Нет, в клад он не верил. Скорее всего, когда проходчики тянули линию ЛЭП, они оставили в земле какую-то здоровую железяку – ту же ёмкость для воды или ещё что-нибудь подобное. В любом случае надо было очистить поверхность «люка» и посмотреть, что это.

Серый положил лопату сверху поперёк могилы, оперся о черенок, выбрался, едва не поскользнувшись, и сходил за

подборкой – совковой лопаткой с короткой ручкой, специально обрезанной так, чтобы было удобно орудовать в могиле.

Спустившись, он начал аккуратно, слой за слоем, убирать глину с «люка». Край подборки то и дело задевал за металл, и вскоре Серый понял – «люк» имеет какие-то выпуклости и вогнутости, он не плоский. И вообще, скорее всего он – никакой не люк, уже безо всяких кавычек.

Вообще не люк.

Ещё через минут двадцать Серый, чавкая сапогами по раскисшей глине – под ногами к этому моменту уже была приличная лужа – отошёл к дальнему краю и обозрел дело рук своих.

На дне могилы, занимая почти все пространство, отчётливо виднелся вытянутый полукруг с асимметричными углублениями внутри. Металл был коричневым, бугристым – типичный такой ржавый чугун. Ну или обычное железо.

Если это была крышка или дверца, ведущая куда-то, то с такой дикой формой её явно сработали не люди. И вновь память не подвела – вытолкнула из школьных глубин название книжки про пацанов, обнаруживших на каникулах погребённый под слоем песка и земли инопланетный звездолёт.

– «Чёрный свет», – пробормотал Серый, и ему стало смешно.

Какой звездолёт? Какие пришельцы? В Средневожске в 1992 году с другой планеты есть только один человек – учи-

тель истории из девятой школы Пал Ваныч Евсеев, невысокий, с умным, но нервным лицом, дядька, который написал в местную газету, бывшую «Заветы Ильича», а теперь «Биржевые вести Поволжья», стишок:

Над страною дуют ветры
Да звенят стаканы.
Раньше шли мы в инженеры,
Нынче – в наркоманы.

Ещё Евсеев предлагал организовать в Средневолжске настоящую коммуну, как в Париже в 1870 году. И вообще заявил на митинге «Демократической платформы» у памятника Кирову в прошлом году, что Перестройка – преступление перед советским народом. За это его даже немного помяли тётки со швейной фабрики. Они были злыми – им уже полгода не платили зарплату.

– Ну и хрен ли мне с этим делать? – тоскливо спросил Серый неизвестно у кого.

Можно было, конечно, набросать на металлический полукруг земли и оставить все, как есть. Завтра Флинт и Сынуля постоят у края могилы, «центровые» опустят в неё гроб – или в чем там они собираются хоронить своего пса? – на дно, и никто ничего не заметит. Да, до назначенной глубины не хватает сантиметров тридцать, как раз штык лопаты, но кто будет измерять?

– Или будут, – сказал Серый, а в глубине души был уве-

рен – обязательно будут. Флинт – въедливая гнида, он не спустит просто так. Обязательно померяют.

Значит что? Значит, нужно либо корячиться, выкапывая этот долбаный «люк», который не люк. Либо рыть новую могилу.

– Да блин! – в сердцах бросил Серый и саданул подборкой по металлическому полукругу.

Лопата скрежетнула по металлу и на нем появилась длинная царапина, блеснувшая в сырой хляби раскопа, словно искорка над ночным костром.

Серый сделал шаг вперёд и присел на корточки, примостив рядом подборку. Царапина никуда не делась, она бесстыдно и призывно сверкала на краю «люка», красновато-жёлтая, глубокая и чёткая.

– Цветмет, – сказал Серый и задохнулся на мгновение от нахлынувших чувств, где было все сразу – и радость, и страх, и ощущение праздника, того самого КАМАЗа с пряниками, который наконец-то перевернулся на их улице.

«Люк» оказался не чугунным и не железным. Он был медным. Ну или латунным. А скорее всего – судя по красноватому оттенку – бронзовым. Это были деньги, причём, учитывая размеры «люка» – деньги приличные. Серый выпрямился так резко, что у него на мгновение потемнело в глазах, схватил лопату и, воровато оглядевшись, – дождь, Ёрики, будка Афганца, ни души – принялся копать.

День перевалил за половину. Дождь утих и небо над головой Серого стало похоже на грязный снег, такой бывает в марте – налитый влагой, тяжёлый, вязкий как выброшенная под дождь старая перина.

Поднялся ветер, тоже омерзительный – сырой и промозглый, но воздушные массы над Средневожском сразу пришли в движение, сделалось как-то яснее, стало легче дышать и думать. Промокшая насквозь куртка Серого начала подсыхать, а мысли приобрели упорядоченное движение и пошли по фарватеру как баржи на Волге.

Серый очень нуждался в этом порядке – в голове его последние час-полтора царил жуткий сумбур. А все из-за «люка».

Он на самом деле оказался не люком и не крышкой. Когда Серый основательно поработал подборкой и просто руками, а потом выбрался из могилы и посмотрел сверху на дело рук своих, он увидел... ну, в общем-то – ухо.

Здоровенное бронзовое ухо, с мочкой, со всеми этими козелками и противокзелками, завитком и его ножкой, противозавитком и прочими изгибами и вывертами.

– Ни хрена себе, – как в детстве, изумился Серый и даже постоял какое-то время с открытым ртом.

Он ничего не понимал.

Откуда – ухо? Что это? Зачем? Нет, не зачем – почему? Нет, не почему...

Серый вдруг почувствовал острое желание поделиться своим открытием с другими. Рассказать, показать. Афганцу, Челло, Индусу, да даже Малому. И когда все всё узнают, встать вот так толпой над могилой, которая теперь скорее яма или как там археологи называют – раскоп? Во, встать над раскопом и обстоятельно, не спеша, обсудить – чё-почём, хоккей с мячом, откуда эта хреновина взялась в земле и что она тут обозначает своим присутствием.

Хотелось сопричастности и ясности. Гласности и... и вообще. Признания. «Вот ты молодец какой, такую хрень нашёл!»

Хотя Серый и так, без гласности, понимал, что ниже и правее уха должна быть голова. Точнее, она там есть – он обкопал ухо по краю и потыкал лопатой под ним – звенит, есть контакт. И получалось, что если ухо примерно полтора метра в длину и метр в ширину, то голова в диаметре... метра четыре!

Здоровенная, короче, голова. Как флинтовский джип «Ниссан-патруль», на котором Сынуля с девками приезжал. Здоровенная – и вся из меди. Или из бронзы. Серый на мгновение задумался – сколько это будет денег? Цены на цветмет он знал, знал и то, что бронзу на Приёмке берут дороже всего. Но понять, сколько килограмм... да какие там килограммы, сколько тонн бронзы в обнаруженной голове, Серый не

мог. Мозги зашкаливали. Ясно было только, что много.

Очень.

«Коттедж, наверное, можно построить, – подумал Серый. – С гаражом. И этой... лужайкой. Шашлыки жарить чтобы иностранные...»

Сейчас все в Средневожске, да и во всей стране, хотели построить коттедж. Чтобы как в Америке. Но с шашлыками. В Америке шашлыков нет. Там барбекю. Обжигают мясо на огне и жрут с кровью. Челло рассказывал, что обычай употреблять мясо с кровью пришёл в Штаты из Европы, а там появился потому, что раньше дров не хватало – все леса принадлежали королям и всяким герцогам.

Серый на мгновение представил себе Средние века, промозглый, сырой денёк где-нибудь в Бургундии, и себя, французского крестьянина, у которого нет дров пожарить мясо на обед. Он оглянулся и посмотрел на кучу старых досок, сваленных у будки Афганца. На них можно было жарить мясо неделю. Не, скорее две недели. «Дураки они, эти французы, – подумал Серый и усмехнулся. – Дрова можно найти. А на крайняк всегда можно у соседа от забора пару досок оторвать».

Тут он понял, что уже довольно давно стоит просто так и ничего не делает. А дел на самом деле у него дофигища, потому что, во-первых, нужно закопать ухо. Ну, не закопать, а присыпать землёй, чтобы не видно было. Во-вторых, срочно копать новую могилу для Стёпы, причём настолько срочно,

чтобы успеть до ночи. В третьих, раскоп с ухом нужно замаскировать... Теми же досками или... Серый снова оглянулся и нашарил взглядом шершавые, пупырчатые листы шифера, сложенные возле досок, там, где стояла ржавая ёмкость для полива давно уже не существующих грядок. Доски были слишком короткими и с гвоздями, а вот шифер, пусть и колотый, подходил в самый раз.

Снова пошёл дождь. Он стал для Серого как сигнал к действию. Скоро проснётся Афганец и нужно сделать всё до этого счастливого мгновения, иначе... Серый представил, что будет, когда Афганец узнает, что на участке лежит несколько тонн бронзы – и рот наполнился горечью, а в глазах потемнело.

Сорвавшись с места, он бросился к раскопу и торопливо забросал ухо мокрой глиной. Спрыгнул вниз, тщательно утрамбовал глину сапогами, вылез и, воровато пригибаясь, на полусогнутых ногах, побежал к будке за шифером.

После того, как над перекрытой листами шифера ямой возник глинистый холмик, Серый, даже не останавливаясь на перекур, взялся за рытье новой могилы. Он больше не думал об усталости, о справедливости, не прислушивался к себе... Впервые в жизни он делал что-то не потому, что это нужно кому-то, не потому, что так положено и даже не потому, что его об этом кто-то попросил.

Нет, Серый работал на себя.

Это было очень необычное чувство, новое, незнакомое,

непривычное – оказывается, прикольно не только бухать или, как сейчас стали говорить, «отдыхать» с друзьями, не только зажиматься с телками по скамейкам после танцев в парке, не только получать деньги за работу, заказанную чужим дядей.

Прикольно и вот так – пахать, чтобы потом получить много денег в одно рыло. Сам на сам. Это было... сладко – ощущать себя начальником. Шефом. Боссом.

Главным.

«Ларёк открою, – думал Серый, кидая лопату за лопатой. – На вокзале. Или в центре, где площадь. Там всегда народ толчётся, даже ночью. Афганца – на хрен, алкаш конченный. Малого тоже, он мудрой. Индуса экспедитором можно, товар возить. Челло торговать посадить... Не, Челло тоже на хрен. В ларёк надо тётку сажать, старую, лет сорок что бы, с семьёй, с детьми. Такие не свалят, если чё. Тётя Наташа, Кирдышкина матуха, в самый раз будет. И всё, аля-улю, бизнес пойдёт. А когда эти... дивиденды насыплются, можно второй ларёк, на «Пятнашке». Или на Южном. А лучше два. Машину куплю... Джип жрёт много, простую тачку, «девяносто девятую» возьму. Вишнёвую, тонированную, как и думал. Видик куплю и телик большой, «Панасоник». К Клюкве приеду утром, посигналю. Она такая в окно выглядывает – я стою с цветами возле тачки. Привет, мол, поехали кататься. И всё... Дом в Буржуйском посёлке построю, на «Двенашке»... Поженимся...»

Тут разогнавшиеся было в галоп мысли Серого как-то притормозили свой стремительный бег – ему стало скучно думать дальше. Там всё было понятно – спиногрызы, шёлковые занавески, велюровый диван и вдалеке серебряная свадьба. Просто жизнь, нормальная, богатая и правильная. На Кипр ещё можно съездить. Или в Турцию. Там, оказывается, круто, по телику показывали.

Но всё это – потом, потом. А сейчас главное – не упустить Ключку. То, что она трахается с Сынулей, это понятно. Серый уже много раз говорил себе: она свободный человек, что хочет, то и делает. Как в Америке. Он вон тоже не святой, и Светка с «Огонька» готова с ним встречаться хоть вот прямо сейчас, да и Лунёва тогда, после «свадьбы» в гараже у Индуса довольна осталась, предлагала повторить как-нибудь...

* * *

Серый воткнул лопату в кучу глины и шумно выдохнул. Дождь окончательно прекратился, ветер растаскивал облака в разные стороны как машины после аварии на перекрёстке. Вечерело. Похожее на крышечку от кефира полосатое солнце медленно заваливалось к горизонту, но до темноты оставалась еще пара часов.

От Серого валил пар, он давно уже стянул куртку и остался в одной рубашке, промокшей от дождя, высохшей – и снова промокшей, уже от пота.

Новая Стёпина могила, как он не старался, как не рвал жилы, была готова едва ли наполовину. Серый понял, что без помощников не справится, иначе придётся работать ночью, в темноте. Ларёк у вокзала и Клюква того, конечно, стоили, но...

Серый просто заманался. От усталости у него даже зазвенело в ушах, ослабели ноги и перед глазами поплыли какие-то разноцветные пятна. Хотелось пить, курить, да и есть, конечно. А больше всего хотелось лечь. Он вспомнил, как в какой-то фантастической книжке про будущее и космос был мужик, который всегда говорил: «Можно, я лягу?»

Серый, поскользываясь – всё вокруг было мокрым, повсюду блестели лужи – доковылял до будки, дёрнул дверь и словно ударился о лежащий внутри одним брусом спёртый воздух. Ничего не изменилось: перегар, немытое тело, сырой матрас, обувь, земля, горелая проводка – в будке стоял такой сложный духан, что можно было полчаса разбирать его на оттенки и нюансы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.